

Аман Газиев

ВО ВРЕМЕНА КАРАХАНИДОВ

*Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.
Юсуф Валасагуни.*

В горах Баласагуна

В этих горах случилось доселе неслыханное дело: юноша-бедняк, нищий сирота осмелился поднять кощунственный взор на младшую жену самого предводителя рода, властного бека-тархана Огул-барса.

Еще более неслыханным было то, что взгляд этот встретил у семнадцатилетней Бурул полное сочувствие.

Возмущенные святотатством сородичи хотели было поступить, как велит старый добрый обычай: закидать преступников камнями.

Но случилось третье неслыханное дело: пострадавший шестидесятилетний Огул-барс — запретил.

— Я сам придумаю им наказание, — сказал он.

Бек-тархан думал целую неделю. А потом взял и продал обоим заезжему купцу из далекого города Куз-Орду. Вернее, обменял на целый тюк товаров.

Боясь, чтобы почтенный хозяин не передумал, обрадованный купец, ставший владельцем двух молодых и красивых рабов, отбыл в тот же день, потирая руки.

Бек-тархан тоже потирал руки и довольно ухмылялся. Если бы он поступил по совету родичей, что бы он имел? Груды камней над телами казненных. А сейчас его юрта наполнилась всяким добром: тут были и шелковые халаты, и хлопчатобумажная ткань «чек», и разные побрякушки для остальных жен.

Тархан был тем и знаменит, что всякое дело умел оборотить себе на пользу...

Эту историю рассказал Махмуду-страннику его проводник Тэмир, когда они преодолевали очередной перевал. Отсюда проводник должен был возвращаться назад. Однако он сказал:

— Джигита звали Сатук, он был моим лучшим другом. Возьми меня с собой, господин! Я найду в Куз-Орду того купца, заработаю денег и выкуплю друга-брата!

— Для этого придется очень много работать,— сказал Махмуд.

Проводник вытащил из-за пазухи маленький кожаный мешочек.

— Здесь деньги: больше всего медных, но есть и кумуш (серебро) и даже алтын (золото). Их собрали друзья, которые не забыли Сатука и его горестную судьбу!

Слуга Махмуда, расторопный Агуш, неизменный спутник во всех его скитаниях, ответил проводнику:

— Мой господин — участник всех благородных дел и он, конечно, возьмет тебя с собой. К тому же три человека всегда больше двух, им легче отбиться на случай нападения разбойников Озар и его людей. (Разбойник Озар был грозой здешних мест; о нем ходили страшные легенды)

Махмуд улыбался в бороду. Разумеется, присутствие сильного и, как видно, смелого юноши не помешает.

— Когда совершилось это печальное дело? — спросил он.

— За полгода до твоего приезда, ранней-ранней весной, когда только что открылись перевалы.

«За это время купец мог продать обоих несчастных самаркандским или гератским купцам. Но нельзя отнимать надежду у благородных помыслов».

— Хорошо,— сказал он. — Когда приедем в Куз-Орду, подумаем о твоём друге. Но надо спешить!

Да, он очень спешил. Целый месяц гостил он на высокогорном пастбище у рода чарык из племени кыргыз. Хитрый Огул-барс задерживал его не без пользы для себя: ведь «амир Махмуд» (как называл его хитрый тархан) происходил из царствующего рода Хаканидов (более известных в науке под именем Караханидов). Через авторитет такого гостя хозяин увеличивал свой собственный авторитет.

Одного только не мог понять старый и мудрый Огул-барс: почему «эмир Махмуд» вместо того, чтобы повелевать народами и предводительствовать войсками, скитается (как он слышал) вот уже который год по землям тюрков и записывает вся-

кие слова в толстую книгу тростниковым пером — каламом. Разве это достойно его высокого происхождения?

Правда, «эмир» благовоспитан и внимательно выслушивает суждения уважаемых людей. Однако с неменьшей готовностью он ловит своим царственным ухом и грубую речь «черного» народа, восхищается сказками, песнями женщин и порой в ответ на глупую шутку какого-нибудь пастуха смеется так заразительно, словно этот нищий пастух — значительный человек, владелец косяка чистокровных жеребцов в сотню голов.

Разумеется, ничего этого вслух мудрый Огул-барс не высказал.

«Эмир Махмуд» догадывался, какие мысли бродят в голове старого родоначальника, но тоже молчал. Как бы мог он объяснить этому невежественному толстяку, что вот уже двадцатый год он бродит по самым отдаленным кочевьям, чтобы записать слова, поговорки, песни и предания, которые бытуют среди народа, и тем самым увековечить живую тюркскую речь во всей ее первозданной чистоте?

Нет, Огул-барс не понял бы, как до него не понимали многие другие. Помыслы таких людей не простираются дальше хозяйственных нужд и дел, сулящих близкую выгоду.

Теперь труд его почти закончен. Нужно спуститься в долину, пока перевалы не засыпало снегом, и там, в Баласагуне (или Куз-Орду, как говорят кочевники), найти хорошего переписчика.

Караван–сарай

Была уже ночь, когда путники постучали в ворота торткуля — маленького укрепленного поселения, состоявшего из постоянного двора, загона для скота и двух десятков мазанок. В них жили так называемые биста — люди, которые предоставляли ночлег торговцам, помогали им продавать товары, кормили их, ухаживали за их скотом, за что получали одного барана из каждых двадцати, выменянных купцами на свои товары. Все они были когда-то кочевниками, а теперь обосновались здесь, сообща владели постоянным двором и составляли

нечто вроде артели на равных паях. Возглавляли их староста – кокчин аксакал и его помощник – чубан, крепкий малый с мозолистыми кулаками.

Усталые путники вошли в ашхану, приветствовали находившихся там и заняли скромное место в углу. Работник подал им нарезанное кусочками мясо, сваренное с приправами, сдобренное уксусом.

Проводник Тэмир уже без опаски уселся за низенький столик рядом с «эмиром». Вначале, еще в пути, он все поражался тому, что такой большой человек ест вместе со своим слугой за одним достарханом. Высокородные бежи так никогда не поступали. Тэмиру и в голову не приходило, что принцу из царствующего дома, Махмуду-тегину в его бесконечных скитаниях приходилось есть из одного казана даже с кара баш – рабами, пасшими овец на горных склонах. В той подвижнической жизни, которую вел ученый, чванству не находилось места. Да оно и не было врожденной чертой его характера. Он никогда, сколько себя помнит, не был склонен к погоне за властью или богатством. Громкие титулы и знатное происхождение не мешали ему в достижении главной цели жизни – создании монументального труда по наречиям тюркских народов.

В помещении было полутемно, плоски с бараньим жиром тускло чадили и потрескивали.

Несколько человек, судя по одежде – пастухи с гор, неторопливо заканчивали свой запоздалый ужин. В стороне от них сидел человек в рваном халате и время от времени что-то выкрикивал.

Прислушавшись, ходжа Махмуд понял, что незнакомец читает стихи. Читал он проникновенно, с чувством и даже закрывал глаза, как бы смакуя звучание строк на фарси. Потом прочел арабскую касиду.

Ходжа Махмуд отлично владел арабским и хорошо знал фарси. Декламация незнакомца доставила ему истинное удовольствие: в услышанных бейтах он узнал божественного Дакки и бессмертного Мутанабби.

Пастухи, не разумевшие иного языка, кроме «тюрки», опасливо косились на чужестранца при его завываниях и выкриках, а в паузах перешептывались, сблизив головы.

Ходжа Махмуд уже собрался было заговорить с незнакомцем, как тот вдруг прервал сам себя и окликнул вошедшего чубана:

— Эй, харчевник! Умеешь ли ты готовить блюдо «сикбадж»?

— Не слыхал о таком,— отвечал чубан.

— А то бы я заказал! Ну, а блюдо «хариса»?¹

— Тоже нет.

— А блюдо «байдат аль-букайла»?²

— Чего не знаю, того не знаю.

— Сколь широко простёрлось твое невежество, харчевник! Но хоть блюдо «курунбийя», надеюсь, ты знаешь?

— Не знаю! — сердито отвечал чубан.

— Горе тебе, о харчевник! Ничего я у тебя заказать не могу! А мой желудок не принимает здешней пищи.

Чубан пробормотал что-то невразумительное и вышел.

— Из-за невежества этого харчевника мне приходится сегодня поститься! — сказал незнакомец ему вслед. Тут подал голос ходжа Махмуд:

— Не согласится ли почтенный разделить наш скромный ужин?

— С охотой и удовольствием, только из уважения к вам! — поспешно согласился незнакомец.

Он тотчас пересел к их низенькому столику и принялся набивать рот с аппетитом давно голодного человека.

— Между прочим, вы сейчас едите блюдо «сикбадж» — сказал Махмуд.

Незнакомец поперхнулся.

— Разве? — сказал он, прокашлявшись. — Как я этого не заметил! Чираги так плохо светят!

— Кушания, названные вами, я тоже ел когда-то в Багдаде и Барсе. Многое из того, что готовят в землях арабов, умеют готовить и наши турки, только под другими Названиями. Например, курунбийя — просто капустная похлебка, так ее называют здешние люди.

— Ой-е! — вскричал незнакомец. — Вы были в Багдаде? А не посещали ли вы мечеть Ибн Ругбан?

---

¹ *Хариса (араб.) — блюдо из вареной пшеницы и размятых кусков мяса.*

² *Байдат аль-букайла (араб.) — мясные катышки с маслом и овощами.*

— Да, я возносил в ней молитвы Аллаху. Однако чем же знаменита эта мечеть, если здесь нет секрета?

— Я жил около нее,— скромно ответил незнакомец,— и каждую субботу покупал там баранью...кх-кх... или козлиную... голову. Вы помните, близ стен мечети всегда толпятся продавцы требухи и кишок... кх.., кх...

Тут незнакомец, чувствуя, что проговорился, смутился окончательно, ибо бараньи головы и требуха считались у горожан пищей нищих.

— Да, я все это помню,— отвечал ходжа Махмуд. — Я и сам не раз покупал такую голову, когда бывал в стесненных обстоятельствах. Однако почему именно по субботам?

— В пятницу¹ мясники забивают много скота, и в субботу головы дешевле, чем в иные дни, — пояснил незнакомец с просветленным лицом. — Приветствую тебя, и собрат по ордену Странствующих и Постигающих!

Оказался он простодушным и словоохотливым человеком: через полчаса путники уже знали всю его историю.

Звали его Билял сын Ахмада из Баласагуна. («Из людей аргу, судя по говору», — отметил про себя ходжа Махмуд)

— Отец мой очень почтенный человек, владелец ткацкой мастерской в слободе Урюкты. Нас у него два сына. Старшего брата он с детства приучал к ремеслу, а меня решил сделать сведущим в счете, вопросах торговли и путях торговых караванов. Отец рассуждал мудро: когда Аллах, да будет благословенно его имя, возьмет его к себе, мы, действуя совместно и дружно, многократно умножим имущество и достигнем благополучия, если каждый из нас возьмет на себя одну половину общей заботы. Старший брат станет закупать шерсть у кочевников и распорядиться в мастерской, а я — ходить с караванами в поисках хороших покупателей и выгодно сбывать товар. И вот мой отец, следуя этой спасительной мысли, отправил меня с караваном в Самарканд в качестве ученика — шогирда. Мне было тогда семнадцать лет. В Самарканде, этом городе чудес, я долго постигал премудрость науки торговать, а также слушал красноречивые выступления местных поэтов на

---

¹ Пятница — праздничный день у мусульман.

самаркандских базарах. Там было в то время очень много великих мужей, украшавших мировую мысль, рассыпавших жемчужины слов, яхонты сравнений и рубины эпитетов. Стихи писали и портные, и башмачники, и почтенные купцы, и продавцы лепешек «какурган». Кстати, вам не приходилось слышать имя... с арабского оно переводится как «Сладкопеец»?

— Нет,— отвечал ходжа Махмуд. — А кто этот человек?

— Это мой поэтический леgeb (псевдоним),— застенчиво опустил глаза Билял. — Я прочел бы вам мои скромные творения, но уже поздно, а их надлежит читать утром и натоцак, поскольку по утрам голова свежа, а желудок пуст и не отвлекает жизненные соки на переваривание пищи, тем самым весь ум слушателя устремляется к постижению сокровенного...

Агуш и Тэмир-проводник давно уже отправились на покой, а Билял-Сладкопеец, вдохновленный участием, которое он встретил в этой придорожной харчевне, все «нанизывал горести пережитого на нить воспоминаний».

Коротко они сводились к следующему.

Увлечшись поэзией и путешествиями, Билял бросил учебу и отправился странствовать по свету, успокаивая свою совесть тем, что это, в сущности, частично совпадает с пожеланиями отца: ведь придется увидеть много караванных дорог и много чужеземных базаров.

И вот теперь, спустя десять лет, он возвращается в родной город под родительский кров. И, как водится у подобного рода путешественников, без единого фельса за душой. «Все мое достояние — это моя голова и то, что в ней»,— так определил свое финансовое положение сам Билял.

Первая встреча с "Кутадгу билиг"

Утром путники плотно позавтракали. Билял-Сладкопеец, опять приглашенный Махмудом, не требовал изысканных арабских блюд с экзотическими названиями и уплетал за обе щеки простую, но яичную и сытную пищу кочевников. Настроение у него было таким же светлым, как это солнечное утро.

Он был похож на весеннего воробья. Поэт то и дело сыпал стихами из собраний-диванов Рудаки, Абдаллаха Унсури, Дакики и Манучехри. Чубан, помогавший седлать коней, недовольно косился: этот нищий, похожий на дервиша, говорит много непонятных слов. Билял хлопнул его по плечу:

— Не горюй, чубан-харчевник! Когда-нибудь и ты постигнешь тайну сладких арабских блюд. А сейчас я восхваляю в стихах щедрость моего благородного хозяина — не твою!

И он, поклонившись ходже Махмуду, подбоченился, поднял левую руку вверх, готовясь воспеть благодетеля наспех сочиненной касыдой. Но вдруг чубан, не забывший вчерашнюю обиду, громко сказал:

— Не понимаю я стихи на чужом языке. Зато я знаю другие:

*«Побольше послушай, поменьше скажи, —
Мне мудрые так говорили мужи.
Негоднее всех из людей болтуны,
А лучшие — щедростью сердца сильны.
Ты беден пред богом, смиренью будь рад.
И помни: бедняк лишь грехами богат».*

Билял-Сладкопевец застыл, открыв рот. Опомнившись, он сказал!

— Поистине, ты способен удивлять, о чубан! Но откуда ты знаешь стихи, да еще на тюрки? Я никогда не слышал ничего подобного!

— Мой сын ходил в город, — отвечал чубан, — и выучил там этот стих. Его сочинил какой-то баласагунец. И за это великий Табгач Богра-хан назначил его своим хаджибом.

— Что-то не приходилось мне встречать хаджибов, сочиняющих стихи, — усомнился Билял-Сладкопевец.

— Почему же? — мягко возразил Махмуд. — Знаменитый Унсури занимал высокую должность в Газне при дворах султанов Махмуда и Масуда, однако писал превосходные касыды.

— Да, но он писал на фарси, — живо отозвался Билял. — А тюркских стихов я никогда не слышал, за исключением тех грубых песен, которые сочиняет и поет народ.

— Вы не хотели их слышать, — тихо молвил Махмуд. — Стихи тюрков есть. Но столь звучных и живых меснепи, так

правильно вышитых по канве благородного аруза, которые прочел чубан, признаться, и я не слышал.

Выехали за ворота торткуля. У Виляла не было коня, и Махмуд, сжалившись, велел Агушу посадить его посади себя.

— Откуда нашим тюркам знать древний жанр месневи и размер аруз? — лез в спор Сладкопевец, удобно уместившись на ветхом чапане, брошенном на круп мерина.

— Я вижу, касыды Самарканда и Багдада напрочь заложили ваши уши, — Махмуд нахмурился, говорил медленно, веско. — Моя память и мои записи хранят множество тюркских стихов. Некоторые из них я полюбил за живые и трогательные подробности, далекие от выпренней и манерной аллегории арабов. На досуге я прочту вам, о Сладкопевец, стихи о битве наших предков с уйгурами или, например, о смерти прародителя тюрков Алп Эр Тонга, которого в Иране именуют Афрасиабом. При желании вы найдете в них погрешности, но они, равно как и достоинства, своими корнями уходят в глубь веков тюркской поэзии.

— Неужели, о мудрейший, вы хотите сказать, что поэзия тюрков не только существует, но еще и имеет корни в седой древности?

— Именно это. Как-то мне пришлось посетить земли кыргызов на великой реке Кем. В степи близ Алтын-Куля мне показали высокую каменную плиту, с трех сторон испещренную непонятными мне письменами. Среди кыргызов есть еще старики, которые их читают. Там были стихи. И какие стихи! В них оплакивали кыргызского кагана Барс-бега, павшего в бою с врагами.

— И когда это было?

— Кыргызы говорят, что более 350 лет тому назад.

— О, Аллах, помоги и наставь меня! Так это не миновало еще и ста лет священной Хиджры?

— Ты прав, о любитель исключительно чужезычной поэзии. И это еще не все. Такие письмена я видел у рек Тез и Орхон. Там в стихах воспевали подвиги тюркского царевича Кюль-тегина и уйгурского кагана. А теперь держитесь крепче за пояс Агуша, — широко улыбнулся Махмуд. — Такие же письмена я видел в стране Аргу.

— У нас? На земле Баласагуна! Где же это? Билял задавал вопросы, но мысли его были далеко. Врожденная, впитанная с молоком матери любовь ко всему тюркскому, которую бедняга всегда прятал в самом дальнем уголке своей души, пораженной и уязвленной удивительной культурой арабов, вдруг под влиянием простых слов Махмуда переполнила его. На душе стало светло и грустно. Хотелось плакать. «Какой человек! Родной мой! А я сам-то? Что я за собака?.. Отца не слушал, мать забыл... В моем городе, может быть, даже мои соседи пишут такие стихи, которые знают даже чубаны в забытых Аллахом караван-сараях. А я в это время вместе с другими бездельниками самаркандских и багдадских базаров потешался, слушая скабрезные басни о беспросветной глупости тюрков и бессовестной хитрости их жен. А что я, тюрк, знаю о тюрках? Вот стремя в стремя со мной едет человек, который не меньше моего повидал разных стран, но остался тюрком, ученым тюрком».

— Да ты не слышишь меня, о знаток поваренных книг арабов?

— Слышу, слышу,— забеспокоился Билял, устыдившись своего невнимания. — Так где же на земле Баласагуна вы видели письма тюрков?

— Южнее города Тараза, на берегах благословенного Таласа, недалеко от урочища Мин-булак.

— Там тоже были стихи?

— Не знаю. Возможно,— ответил Махмуд. — В Мин-булаке не нашлось переводчика. Последним знатоком древних писем тюрков был отшельник Кулбак. Он постоянно скитался в горах Баласагуна и писал на камнях: «Раб божий Кулбак». Я видел эти надписи, но самого отшельника встретить не успел. Ангел смерти Азраил оказался проворнее меня.

— Упаси нас Всевышний от скорой встречи с ним. — Билял сложил ладони лодочкой и провел ими по бороде.

Путники умолкли, призадумались. Тропа, петляя, круто подалась к белоголовой вершине. Слева шумела река Кочкор. За ней чернел еловый лес.

Слезайте с коней, дальше пойдем пешком,— скомандовал Агуш.

— Скоро перевал Занби-Арт, а там Куз-Орду рядом.

Баласагун

Такое могут увидеть только те, кто не боится высокогорных перевалов. Отсюда видно все-все.

Обширная долина, окаймленная двумя цепями гор, была наполнена чистым и свежим утренним воздухом. Сквозь него виднелись ближние и дальние усадьбы, красноватые стены построек из жженого кирпича. Между зеленых крон тополей и карагачей красными пятнами выделялись купола мечетей.

Всюду на равнине по дорогам и тропам уже двигались в разных направлениях всадники и пешеходы. Виднелись крошечные арбы на пуговицах-колесах. По невакетской дороге начинали подниматься густые клубы просохшей под утренним солнцем пыли: то кочевники с гор гнали отары овец, косяки резвых скакунов, стада коров, вереницы верблюдов в город на продажу. В Баласагуне был знаменитый на всю долину базар.

Дорога, неуклонно сбегавшая вниз, привела наших путников к воротам, пробитым в толще облупившейся глинобитной стены. Это была внешняя оборонительная линия, которой окружили свои пашни и сады горожане, дабы пресечь разбойные поползновения земляков и братьев по крови — буйных воинственных кочевников.

Усатые стражники в остроконечных шлемах, кольчугах, с пиками и секирами в руках охраняли ворота. Толстый имга — сборщик подати — взимал с каждого прибывающего четыре фельса. За всех уплатил Агуш, игравший при своем господине роль казначея. Билял приложил руку к сердцу (в знак благодарности), а Тэмир-проводник, видевший все это впервые, спросил:

Это и есть великий город Куз-Орду? Билял-Сладкопеец, на правах здешнего уроженца, отвечал:

Нет, это еще не город. Мы въехали только в его предместье. Когда они миновали вторую линию стен, строения стали гуще, а полей и пастбищ — меньше. И народу здесь встречалось куда больше, Тэмир-проводник, вертя головой во все стороны, сказал:

— А вот это уже город.

— И это еще не город,— возразил Билял. — Наш путь все еще идет по предместью.

— Но если у него такие предместья, каков же сам город Куз-Орду?

Билял гордо потрянул головой, крепко держась за спину Агуша:

— Он, конечно, меньше Багдада или Самарканда. Но все же это великий город, наш несравненный Баласагун! Прежний даруга (градоначальник) Якуб-бек насчитал когда-то в нем шесть тысяч домов и две тысячи лавок!

Ходжа Махмуд знал когда-то Якуб-бека (его поставил градоначальником дед ходжи Мухаммад Богра-хан) и подумал: «Как ухитрился бек определить такое количество домов, если сам умел считать только до трех?».

Чем ближе подъезжали к цели путешествия, тем суетливее становился Билял-Сладкопевец. Он весь извертелся, сидя на крупе позади слуги, так что Агуш был вынужден сказать:

— Не собираешься ли ты взлететь, подобно перепелке?

— Радость свидания с близкими сочетается в моей груди со страхом перед гневом строгого отца,— оправдывался с нервным смешком Билял.

Впереди, уже совсем рядом, выросли высокие городские стены и приземистые башни. Из-за них выглядывали, по выражению поэта-Сладкопевца, «божьи стрелы» многочисленных минаретов. Выше всех возносил свою главу, как бы повязанную голубоватой чалмой, минарет Главной мечети, прозванный за внушительные размеры и красоту «минаретом минаретов».

И вот потянулись сплошные кварталы построек. Из-за глинобитных дувалов высывали непокорные ветви урюковые деревья.

— Это уже наверняка сам город! — сказал Тэмир-проводник.

— Ты прав,— откликнулся Билял. — Это слобода Урюкты. Вон караван-сарай моего старого знакомого, дедушки Абу Бакра. Я советую вам остановиться именно в этом караван-сараяе. Э! Не сам ли хозяин стоит у ворот? Слушайте, почтенные! Я сейчас сделаю вид, будто впервые в этом городе. Посмотрим, узнает ли меня дедушка Абу Бакр?

Но когда подъехали к самым воротам, Билял разочарованно воскликнул:

— Нет, это не дедушка Абу Бакр. У того была длинная, седая борода...

— Ты прав, о путник,— отозвался стоявший в воротах хозяин. — Я не дедушка Абу Бакр, я дядюшка Хасан, и борода у меня черная. Абу Бакр давно уже переселился в иной мир, а его наследники продали часть этого караван-сарая мне, а часть — одному купцу из здешних. Но моя половина караван-сарая всегда рада гостям, ибо великий поэт сказал:

*«О жаждущий добрую славу иметь,
Гостей и скитальцев приветливо встретить!
Дары их тебе служат доброй отрадой,
И ты их ответной услугою радуй!
Дружи с ними честно, без мысли лукавой —
Прославишь себя ты далекою славой».*

— Входи же! — И хозяин еще шире распахнул ворота. Билял-Сладкопевец округлил глаза: ведь стихи были произнесены на чистом тюрки! Он уже было собрался приступить к долгой беседе, но тут же встрепенулся и соскочил с лошади:

— Нет, меня ждут вот уже одиннадцатый год, нетерпение мое велико! — И Билял-Сладкопевец, распрощавшись со своими спутниками, пошел дальше пешком.

Путники въехали на просторный двор. Первое, что бросилось в глаза, — это торчавшее посередине высокое сооружение, в котором Махмуд признал колодец. Проследив за его взглядом, караван-сарайщик Хасан словоохотливо объяснил:

— Из этого колодца пили воду многие поколения людей, верблюдов, коней и других творений Аллаха. Но теперь он высох, да в нем и нет нужды. Из речки в наш караван-сарай вода поступает по глиняным трубам: лей, сколько надо!

— А скажи, хозяин, кому принадлежат стихи, оглашенные тобой?

Хозяин сделал благоговейное лицо:

— Их записал каламом мудрости на скрижалях памяти уроженец нашего города, ныне великий хасс-хаджиб мавлана Юсуф, да пребудет над ним милость Аллаха вечно и неизменно! В детстве мы с ним не раз играли в альчики. И если вы, о благородные путники, сможете прочесть хоть один стих из его величайшей поэмы «Благодатное знание», то я снижу плату за постой в моем караван-сараяе на одну треть! Таков мой обычай! Не знаете ни одного стиха? Жаль! Вам — убытки, мне — прибыль.

Тут в воротах появились новые гости, и хозяин побежал им навстречу.

— Удивительное дело! — заметил Агуш. — За стихи можно сберечь деньги! Впервые слышу об этом. Но ведь этак хозяину недолго и разориться!

Какой-то человек, слонявшийся рядом, тотчас отозвался:

— О нет, он не разорится! Почти все баласагунцы знают великое множество стихов нашего мавлана Юсуфа, но они ведь не нуждаются в караван-сараях. А большинству приезжих эти стихи неведомы. Кроме того, этого караван-сарайщика уже благодетельствовал сам великий хасс-хаджиб.

— Каким образом?

— А вот каким. Когда мавлана Юсуф узнал в Каш-гаре о делах урюктинского караван-сарайщика, он сначала рассердился:

— Горе ему! Он принуждает людей ради корысти читать мою поэму! Потом задумался:

— Не является ли это разумным действием? Ведь чтобы научить детей добру и знаниям, учителю приходится обращаться к злу — розге... А невежественные жители гор и долин подобны неразумным детям...

Потом рассмеялся:

— Однако и удивительный же человек этот караван-сарайщик!

В конце концов великий хасс-хаджиб послал своему другу детства вьюк яркендских шелковых тканей, тысячу дирхемов серебром и еще 99 золотых динаров (сотого динара не отыскалось в казне хасс-хаджиба: такой уж он человек — все раздает нуждающимся).

И подарки свои сопроводил короткой запиской: «На покрытие убытков от поэзии».

В это время вернулся хозяин, подозрительно посмотрел на рассказчика и сказал:

— О Сайд-сплетник! Не наболтал ли ты гостям чего-нибудь непотребного?

— Я восхвалял твою щедрость, — ответил Сайд. Хозяин, недоверчиво хмыкнув, сам отвел коней в стойла, показал комнату для ночлега.

Агуш занялся хозяйственными делами, а Тэмир-проводник сразу принялся расспрашивать о купце. Но он не знал ни его

имени, ни даже примет, и поэтому расспросы были бесплодны. Мало ли купцов в торговом Баласагуне?

— Как он выглядел, этот купец? — спрашивали люди.

— У него была борода, — отвечал Тэмир. — Нехороший человек. И борода нехорошая.

— Если бы ты сказал: «безбородый», мы бы скорее нашли. Молодой, старый?

— Ни молодой, ни старый. Злой человек.

— Толстый, тонкий?

— Ни толстый, ни тонкий. Очень плохой человек. Люди чесали в бородах, прикидывали и так, и эдак.

— Кто из наших купцов ездил ранней весной в кыргызские кочевья? — размышляли они.

Не дождавшись конца этих размышлений, ходжа Махмуд отправился посмотреть город, который он не видел целых двадцать лет. Он шел предзакатными улицами и переулками и думал о многотрудной судьбе Баласагуна.

Когда-то в незапамятные времена пришли в эту благодатную долину огнепоклонники из Согда и заложили город. В течение веков приходили новые племена и обновляли население. Город разрастался, менял властителей. Здесь правили и тюркешские каганы, и карлукские ябгу. В те далекие времена город звался Суяб.

В конце прошлого века основатели великой династии «из дома Афрасиаба», потомки Бильга Кюль Кадыр-хана¹, завоевали город и сделали его своей столицей. Отсюда они управляли огромной среднеазиатской империей, включавшей Мавераннахр, Фергану, Семиречье и Кашгарию. Многочисленные отпрыски этой династии, ведя беспощадную войну друг с другом, разодрали империю на куски — уделы. Совсем недавно, всего четыре года назад², великий каганат окончательно распался на две части: Мавераннахр, что между великими реками Аму и Сыр, унаследовал Шамс аль Мульк Наср ибн Ибрахим, представитель западной ветви Хаканидов, а восточные земли остались в руках потомков Юсуфа Кадыр-хана и опять-таки фактически раздели-

---

¹ Т. е. Караханиды.

² В 1069—1070 гг.

лись на две половины: одной — кашгарской частью — правит Тамгач Богра-карахакан (он приходится двоюродным дядей Махмуду), а второй, со столицей в Баласагуна — Тогрул-карахакан (приходящийся Махмуду двоюродным дедом).

Шахристан

Улица вывела его в шахристан — центр города, на берег полноводного канала. От канала, как ветви от древесного ствола, расходились журчащие арыки и бежали вдоль глиняных дувалов. За каналами кудрявой стеной вставал прекрасный сад; густая шевелюра его уже была тронута багрянцем осени. Махмуд различил айвовые, урюковые, яблоневые и ореховые деревья. Сквозь их кроны виднелась кирпичная стена чьей-то усыпальницы — гумбеза.

По деревянному мостику он попал в сад (нигде не было видно стражи) и прочел на богато украшенном портале слова, искусно выполненные арабской вязью: «Милость Аллаха да пребудет...», а затем, после длинной эпитафии, имя усопшего. Дальше у самого минарета стояла еще одна усыпальница в форме восьмигранника. За ней — еще несколько... И на каждой — имя какого-нибудь отошедшего в иной мир правителя «из дома Афрасиаба». И титулы: «элик», «тегин», «арслан», «богра»...

Махмуд со стесненной душой смотрел на родовое кладбище владетелей Баласагуна. Ведь все здесь лежащие — его родственники, двоюродные и троюродные деды, братья, дядья... Эти воинственные, грешные люди, потомки кочевников, жаждавшие власти и почестей, сражались, интриговали и гибли в борьбе с внешними врагами и друг с другом. Вся их жизнь сопровождалась кровью и звоном мечей. В жизни им не было покоя. Покой они нашли только здесь, в центре своей шумной столицы, среди тихо стоящих безгрешных деревьев; осень-художник украшает их могилы падающими листьями, а вечерний луч солнца высвечивает паутину на глубокой резьбе усыпальниц...

Он вышел на дворцовую площадь, вымощенную булыжником. Прямо перед ним горделиво высились стены ханской резиденции. Широкие кованые ворота плотно закрыты. Двое

часовых, опершись на копыя, степенно беседуют друг с другом. За стенами дворца — тишина. Можно было подумать, что там, как в склепе, тоже нет живых, если бы не боковая калитка, через которую проскользнул человек с плетеной корзиной в руках: видимо, он возвращался с базара.

Рядом с дворцом — домом кагана — расположилась Главная мечеть — дом Аллаха. В ней, как простые смертные, молились вместе с другими верующими сами правители и члены царствующего дома. Здесь, в пятничной молитве, провозглашалась хутба в честь багдадского халифа, а иногда — и в честь правящего в Баласагуне карахакана.

И над мечетью, и над дворцовыми постройками возносил свою чалмоносную голову Большой минарет — самое высокое строение в Баласагуне.

Перейдя по мостику широкий арык, Махмуд спросил человека, вышедшего из мечети, о причине тишины в ханском дворце.

Прохожий, важный, в дорогом халате, с холеной крашеной хной бородой, ответил вопросом на вопрос:

— Ты, наверное, чужеземец?

— Я только сегодня прибыл в город, — подтвердил Махмуд.

— Так знай же: наш великий правитель Зайн ад-Дин Шариф ад-Дий Махмуд Тогрул-карахакан ибн Юсуф Кадыр-хан живет в своем дворце только зимой, когда роду человеческому досаждают бураны и морозы. Остальные же времена года он вместе со своим царственным сыном Омаром Тогрул-тегином ибн Тогрул-карахаканом кочует в пределах своей победоносной могущественной державы. «По выговору — закоренелый аргу», — привычно отметил про себя ходжа Махмуд.

Они пошли рядом. Прохожий, бросив искоса взгляд на спутника, сказал:

— Судя по стоимости халата, вы — почтенный человек, а по количеству пыли на нем — приехали издалека.

— Пылью богата и эта долина, — уклончиво ответил Махмуд.

Прохожий одобрительно крякнул, огладил свою красную бороду и начал подход с другой стороны:

— Да не покажутся мои слова навязчивыми, но не купец ли вы, почтенный? Я сам купец и, возможно, мы сумели бы заключить взаимовыгодную сделку.

— Нет, я не купец и у меня нет товаров для продажи, равно как нет и денег на закупку их.

Краснобородый опять бросил недоверчивый взгляд на незнакомца:

— Всякий в этом мире что-нибудь продает и что-нибудь покупает...

Тут какой-то нищий попросил у краснобородого милостыню.

— Аллах подаст, у него попроси,— ответил тот.

— Я уже просил, но он меня к тебе прислал,— дерзко сказал нищий.

— Если Аллах ничего тебе не дал, то я и подавно не дам. Ведь сказано: «Не соревнуйтесь с Аллахом в щедрости ибо Аллах, преславно имя его, щедрее и славнее». И Краснобородый прошел мимо. Махмуд на минуту задержался и бросил нищему фельс.

Когда они пошли дальше, Краснобородый недовольно сказал:

— Напрасно ты, чужеземец, так неразумно растрачиваешь свое добро. Где же тут остаться деньгам на товары!

— Из-за одного фельса я не стану беднее-

— Сказано мудрыми: «Трата фельса откроет двери для расхода дангов, трата же дангов откроет двери для дирхемов, дирхемы — для динаров, десятки откроют двери для сотен, а сотни — для тысяч, пока все эти траты не погубят тебя и не унесут то, чего много, и то, чего мало». Прощай же, о неразумный растратчик собственного добра» мне — налево!

Махмуд только головой покачал: «Вот каковы некоторые из жителей Баласагуна!». Конечно же, он и думать не мог, что еще увидит этого купца, и даже очень скоро.

В бане

Когда Махмуд вернулся в караван-сарай, Агуш и Тэмир-проводник уже ждали его с нетерпением.

— Господин, за оградой этого караван-сарая находится замечательная баня.

Баня так баня. За ними увязался и Саид-сплетник. Банщик — здоровенный детина с бычьей шеей и длинными

стрелами усов, спускающихся с кончиков губ, приветливо встречал входящих:

— Гостей посылает Аллах,— говорил он каждому в ответ на приветствие. — Хоть я и не владелец этой благословенной бани, а только арендатор, и послезавтра истекает срок аренды, каждый найдет здесь все девять и еще семь удовольствий за ничтожную плату. Торопитесь, правоверные, освежить тела и души до вечерней молитвы!

«Этот человек из племени басмыл,— привычно отметил Махмуд.

В предбаннике-раздевалке толпилось множество народа. Каждый складывал свою одежду в отдельный ящик, получал из рук служителя набедренную повязку и устремлялся в дверь, откуда вырывались струи горячего воздуха.

Вошел какой-то человек в воинском наряде, но без оружия и зычным голосом закричал:

— Эй, банщик! Готова ли принять твоя баня льва битвы и барса сражения?

Рослый банщик загородил ему дорогу:

— Эй, Халил-воин, поворачивай обратно! Не будет тебе здесь ни воды, ни омовения!

— Неприветливые речи я слышу! — рыкнул воин, хватаясь за пояс, где не было сабли. — Или мои деньги хуже, чем у других?

«Поговору этот воин явно из шельджийских карлуков»,— опять отметил про себя Махмуд.

Люди, толпившиеся в раздевалке, все как один повернули головы: на многих лицах проступили улыбки. Назревал скандал, который скрашивал унылые будни баласагунцев.

— Я еще ни разу не видел твоих денег, а ты ведь уже третий раз приходишь в мою баню,— отвечал банщик, обращаясь к посетителям:

— Все знают, что этот Халил-воин, помывшись в бане, нарочно устраивает скандал, крича, что у него-де украли что-нибудь из одежды. А потом уходит, ничего не заплатив. И вот все банщики Баласагуна решили больше не пускать этого человека в свои владения: пусть моется у шайтана!

Послышались смешки и шутливые возгласы. Халил-воин поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, хватаясь за пояс. Потом сказал банщику:

— Но у меня нужда в мытье! Я должен помыться!

— Ты опять поднимешь крик, что у тебя что-нибудь пропало!

— Сегодня не подниму,— сказал Халил-воин.

— Тогда поклянись в этом бородой своего отца! Халил-воин, видя, что иного выхода нет, торопливо пробормотал требуемую клятву, под наблюдением служителя сложил в ящик одежду, получил взамен набедренную повязку и быстро проскользнул в заветную дверь.

— Этот Халил-воин всем надоел своим бесстыдством,— сказал банщик. — Давайте же подшутим над ним. Эй, парни, ну-ка спрячьте его одежду, а вы, правоверные, будьте свидетелями.

Слуги тотчас вынули одежду Халила и спрятали в другой ящик, а банщик прилепил к дверцам кусочек глины, прижав ее печатью.

В хорошо прогретом помещении Махмуд и его спутники, усевшись на скамеечки и опустив ноги в лохани с горячей водой, принялись обильно потеть, что, как известно, весьма полезно для здоровья. У оконца специальный служитель выбривал желающим голову, предварительно натерев ее специальной ароматной глиной для мытья, заменявшей мыло. Лохматый, как медведь, Халил-воин, расположившись в дальнем углу на скамейке, мазал все тело вонючей нурой — специальным составом из гашеной извести с мышьяком, чтобы легче сходил волос. Он, видимо, был большой франт.

Саид-сплетник, пододвинувшись поближе к Махмуду, таинственно зашептал:

— Расскажу я вам про этого Халила-воина случай, забавнее которого и выдумать нельзя!

И, не дождаввшись согласия, прикрыв губы ладошкой, зачастил:

— У этого глупого человека была в нашем городе любовница, а кто — умолчу. Когда он вернулся из похода, то написал ей записку: «Приходи, о черногривая кобылица! Попасемся вместе на лужайке любви!» — и послал с нею своего раба (тогда у него еще был раб).

Красавица прочитала записку, но, взглянув на посланника, обнаружила, что он красив и первый пушок юности, подобно ферганскому персику, залег на его щеках. И тогда она подумала: «Зачем мне бежать к тому дураку, воняющему конским потом и чесноком, когда рядом нарцисс из райского сада?». И она стала поводить глазами, играть ресницами и делать другие намеки, как это в обычае у женщин. Юноша не устоял перед совершенством чар, как не устояли ангелы Харут и Марут перед красотой Зухры.

Но не успели они испить сладкого щербета из кувшина любви, как услышали стук в дверь и грубый голос. Это Халилу-воину прискучило ждать ответа, и он сам отправился к той лавке, где подают такие напитки.

— Горе нам! — испугался юноша-раб. — Сейчас мой хозяин изрубит нас мечом!

Но женщина, слабая телом, но могучая духом, велела юноше спрятаться в чуланчик, а сама открыла дверь Халилу-воину и приветствовала его как ни в чем не бывало.

— О моя несравненная верблюдица! — заблеял Халил-воин. — Разве не получала ты записки с назначением свидания?

— Ничего не получала, — отвечала искусительница. — Но я прослышала, что ты вернулся и собралась отправиться к тебе.

И она вознамерилась было напоить его щербетом все из того же кувшина.

Вдруг опять застучали в дверь и раздался требовательный голос.

— Это муж! — сказала женщина.

— Горе мне! — воскликнул Халил-воин. — Он увидит свершение недозволенного и затеет со мной драку, и поднимется шум, и дойдет до правителя, и буду я лишен всех преимуществ и хаканских милостей! (А наш повелитель Тогрул-хан жестоко наказывает за прелюбодеяние).

— Ничего не бойся, — отвечала женщина. — Ты, открывая дверь, гневно кричи какие-нибудь проклятья и уходи своей дорогой.

Халил-воин отбросил крючок и стал громко ругаться:

— Прах на голову живущим здесь! Я этого так не оставлю! Я вознесу жалобу самому эмиру! — и с тем ушел. Муж (а он был купцом) посмотрел ему вслед и спросил:

— Что это за воин и почему он так гневается, о жена? Жена подбежала к мужу и воскликнула:

— Слава Аллаху, ты вернулся! Я вся прямо дрожу!..

— В чем дело? — допытывался муж.

— Я занималась домашними делами, ожидая тебя,— ответила жена. — Как вдруг вбежал какой-то юноша и стал в страхе умолять спасти его от гибели: за ним-де гонится злой насильник и хочет в ярости лишиться жизни. Тут послышались громкие проклятия и топот у наших дверей. Юноша закрылся в чулане, а в дом ворвался этот самый воин. Он кричал и грозился, и требовал показать, куда я укрыла юношу. Я отвечала, что ничего не знаю. Воин, размахивая мечом, изрыгая угрозы, принялся обшаривать все углы и тут вовремя появился ты, да пребудет над нами милость Аллаха!

— Почему же дверь была на крючке? — спросил муж подозрительно.

— Воин ее закрыл, чтобы юноша не мог убежать.

— А где же этот юноша?— Сидит в чулане.

Муж открыл дверь и крикнул:

— Выходи!

Юноша вышел, и муж сказал ему:

— Жена моя с риском для своей чести и жизни сделала с тобой богоугодное дело. Но на этом наши милости и кончаются. Уходи скорей из моего дома и знай: ты меня не видел, я тебя не видел!

Махмуд, выслушав историю, подумал: «Не зря этого человека зовут Саидом-сплетником. Что же касается рассказа, то я его слышал не менее пяти раз и в разных городах».

Агуш заливался смехом:

— Сказано в Коране: «Воистину берегитесь жен своих!»:

Тэмир-проводник, нахмурившись, заметил:

— Значит, правду мне говорили, что все женщины в городе — шлюхи.

На дальней скамейке Халил-воин уже давно с любопытством вытягивал шею, стараясь услышать, о чем так весело рассказывает Саид-сплетник, не утерпел и крикнул:

— Эй, свадебный Саид! Что ты там болтаешь приезжим? Опять какую-нибудь брехню?

— Тебя хвалю,— отвечал Саид, не моргнув глазом. Вошли служители и принялись растирать, разминать моющихся — тех, кто мог оплатить подобные процедуры. Хозяин бани сам взялся обслуживать Махмуда — он сразу отличил его из всех прочих наметанным глазом. Под его ловкими руками усталое тело вновь набиралось сил и бодрости. Махмуд только покряхтывал.

— Почему Халил-воин окликал Саида прозвищем «свадебный»? — спросил он у банщика.

— Э! — отвечал хозяин. — Оба они бездельники. Что касается Саида, то это великий болтун и сплетник. Есть у него привычка посещать незваным все свадьбы, хотя бы это происходило в самой дальней слободе. И не только в слободе: он всюду набивается на угощение, будь то похороны, обрезание или продажа дома. Предостерегаю вас от него! В Баласагуне полно жуликов и он — один из них, хотя и не самый зловредный.

Когда хозяин ушел, подоспевший Саид-сплетник доложил:

— Этот банщик — самый хитрый и жестокий из банщиков Баласагуна. Он держит в подземелье под баней рабов — истопников и никогда не выводит их на свет божий! Говорят, что они прикованы к стенам цепями!

Солнечный луч, пронизывавший помещение, внезапно померк. И сквозь говор и всплески воды проник серебряный голос азанчи, призывавшего к молитве.

Все сразу прекратили свои занятия и стали переглядываться:

— О Аллах! — воскликнул один. — Надо помолиться.

— Но дозволено ли это в бане? — сказал другой с сомнением.

— Как же быть?

— Есть ли Знающие и Помнящие среди нас? Что говорит по этому поводу Коран?

— Запрещено творить молитву в нечистых местах: в отхожих, на бойнях, в вертепах, где пьют вино...

— А следует ли считать баню нечистым местом?

— Но ведь баня — именно то место, где люди отмывают себя от грязи и делаются чистыми...

— Молитесь, дети мои, посоветовал какой-то дряхлый старик.

— Ибо вода для омовения есть, осталось только прочесть молитву.

Многие попадали на колени, согнулись в поклоне и принялись было беззвучно шевелить губами, как вдруг один сказал:

— В какую сторону молиться? Я не знаю, где кыбла в этой бане.

Все в растерянности уставились друг на друга.

— И я не знаю...

— И я...

— Постойте-ка! Баня выходит воротами на дом седельника Берды, а седельник Берды приехал в город с севера...

— Нет, седельник Берды приехал с юга...

— О правоверные! — вступил в разговор Махмуд, пряча улыбку в бороде. — Судите по солнцу: кыбла находится как раз в том углу, где сидит воин Халил...

Халил-воин с испугом оглянулся. Кто-то заметил:

— Но не можем же мы молиться на воина Халила!

— Эй, ты, неверный! Убирайся из угла! — закричало несколько голосов.

— Постойте, о правоверные! — опять вмешался Махмуд. — Не спорьте зря — уже поздно! Пока вы разбирались между собой, время молитвы прошло.

Все тотчас стали занимать свои места, сокрушенно покачивая головами.

В раздевалке, помолодевшие и умиротворенные, наши путешественники получили свою одежду и вернули набедренные повязки.

— Эх, забывчивость, забывчивость! — сокрушенно качал головой свадебный Саид. — Не иначе, как шайтан помог мне оставить кошелек дома. Друг, не заплатишь ли за меня сегодня, а я заплачу за тебя завтра? — обратился он к Агушу.

Вышел Халил-воин, с досиня выбритой головой, с гладким лощеным телом, полез в свой ящичек и закричал:

— Где моя одежда? Банщик подмигнул присутствующим и ответил:

— Опять будешь говорить, будто у тебя кое-что пропало! А как же клятва? Все свидетели здесь!

— Но ведь ящик пуст!!!

— Клятва! Клятва! — напомнил банщик. Халил-воин остолбенел; он только вращал глазами да молча открывал и закрывал рот. Свидетели подмигивали друг другу и ухмылялись.

— Повязку-то отдай, — напомнил банщик. Остался Халил в чем мать родила. Долго он не мог вымолвить ни слова, наконец произнес:

— Послушай, о банщик из банщиков! Я ничего не могу сказать, но сам рассуди: неужто я пришел сюда в таком виде?

Тут все присутствующие покатались со смеху. А банщик мигнул служителям.

— Вот твоя одежда — целехонька! Наконец-то ты сказал умные слова! За них полагается награда: приходи в следующий раз, тебя здесь обслужат бесплатно!

Когда выходили из бани, уже пали сумерки. Махмуду показалось: какой-то человек выглянул из-за угла и скрылся. Шедший рядом Тэмир-проводник издал громкий возглас, бросился в ту сторону и исчез.

— Велик Аллах! — сказал оторопевший Агуш. — Не увидел ли он пэри?

— Наверное, тот человек ему должен, — рассудил Сайд.

Путники завернули за угол: там никого не было.

— Воистину это удивительно! — сказал Агуш.

— Может быть, он обнаружил того самого купца?

— Не будем гадать, — сказал Махмуд. — Он знает дорогу в караван-сарай и вернется, когда сочтет нужным.

А про себя подумал: «Может быть, он нашел своего брата-друга?».

Свидание с "Кутадгу билиг"

В караван-сараяе была и харчевня. За низкими стодами, скрестив ноги калачиком в ожидании ужина, сидели постояльцы, чинно макали куски лепешки в подсоленную или сдобренную уксусом воду — для возбуждения аппетита — и вели степенные беседы.

Трое прислужников, двое взрослых сыновей хозяина и сам караван-сарайщик Хасан, разносили дымящиеся блюда.

Махмуд и слуга тоже уселись за столик и стали ждать своей очереди. К ним, не дожидаясь приглашения, подошел и Сайд.

— Накормить тебя сегодня, а ты накормишь меня завтра? — насмешливо заметил Агуш.

— О праведник! — подхватил Сайд. — Твоя пронизательность необычайна! Вспомни слова, сказанные мудрецом: «Если делать добро, то делать до конца».

И он с жадностью принялся за тутмач — лапшу с мясом. Когда все насытились и перешли к прохладительным Напиткам, хозяин Хасан возгласил:

— По заведенному обычаю после пищи телесной желающие могут насладиться духовной пищей. О почтенные! Вы сейчас услышите жемчужины — бейты нашего земляка, великого хасс-хаджиба мавлана Юсуфа, да пребудет с ним милость Аллаха вечно и неизменно!

Поэму читал старенький, с редкой седой бороденкой бывший наставник из медресе (как объяснил сотрапезникам Сайд-сплетник). Хозяин уселся рядом и стал помогать старцу: переворачивал вовремя страницы, и толстые губы его шевелились в такт со словами, которые произносил наставник.

Старичок читал исполненные сокровенной мудрости строки монотонным и скрипучим голосом. Время от времени голова его, увенчанная громадной чалмой, клонилась долу, язык начинал заплетаться и он бормотал что-то непонятное... Тогда хозяин громко кашлял; почтенный мулла, встрепенувшись, говорил:

— Зажги-ка чираги (светильники), о Хасан ибн Ляйс! Что-то плохо видно...

Конечно, чтение было из рук вон плохо. Но слушатели — и купцы, и простые погонщики — благоговейно внимали слову, начертанному в книге. Каждый из них полагал, что написанное хоть и не Коран, и не откровение Аллаха, однако все-таки—чудо, доброе волшебство, а истины, читаемые косноязычным муллой,—товар, который не купишь завтра на базаре. К тому же сейчас его раздадут бесплатно.

Но самым примерным слушателем был сам хозяин Хасан. Он с гордостью поглядывал на аудиторию и время от времени повторял особенно понравившийся бейт:

— Слыхали? «С дурными не знайся и чужд им пребудь, твори лишь добро — будет ладным твой путь».

И еще один человек был весь — внимание. Пораженный ходжа Махмуд верил и не верил своим ушам: «Тюркская поэма! Почему же я ничего не слышал о ней прежде? Видимо, она создана недавно».

Когда старенький чтец совсем уж начал было засыпать, караван-сарайщик поднялся, шумно вздохнул и сказал:

— На сегодня хватит! И двигающему языком, и слушающему ушами — всем нужен отдых. А завтра вечером мы продолжим, с помощью Аллаха!

Один из слушателей, судя по одежде — араб, спросил:

— Почему же ваш земляк, этот великий поэт, покинут родной город и отправился в Кашгар? Не разумнее ли было преподнести книгу вашему правителю здесь, на месте, и тем избавить себя от тягот путешествия и дорожных расходов?

Ходжа Махмуд усмехнулся. Он-то догадывался, почему. Характер его двоюродного деда, истинного кочевника, был ему известен. Тогрул-карахакан был человеком старого закала. Жильем, достойным мужа, он признавал лишь юрту-шатер, спал на волчьих шкурах, постеленных прямо на земле, уплетал баранину, пропахшую дымком походного костра, и собственноручно клеймил конский молодняк в своих табунах, когда приспевала пора. Жителей городов он рассматривал лишь как годный к обложению податями, изнеженный, жуликоватый и недостойный доверия народ. Он с неодобрением относился к тому факту, что многие тюрки, вчерашние кочевники, оседали в городах и селениях, начинали заниматься ремеслами, торговлей или становились хлебопашцами. Правда, в подавляющем большинстве своем это были бедняки, «кара бодун» — «черный народ». Многие из них пополняли собою в городах самую низшую прослойку населения и назывались «айары» — всякий сброд без роду, без племени. Эти айары всегда были первыми во времена народных волнений. От них можно было всего ожидать, ибо неимущим терять нечего!

Не любил Тогрул-карахакан мудрствования начитанных грамотеев, а также опасался насмешек острых на язык горожан.

В те времена поэты могли существовать лишь на милости, которые им оказывали правители-меценаты, вельможи-покровители и прочие сильные мира сего. Иначе они умерли бы с голоду. Недаром поэт Сана'и с горечью писал:

«Одному она (т. е. судьбе) из Баласагуна доставляет пропитание в Герат. А другого ради куска хлеба гоняет до самого Баласагуна».

В Баласагуне, этом форпосте (наряду с Кашгаром) мусульманской культуры на Востоке, было множество мечетей, несколько медресе и ханака — общежитии для обучающихся. Важные муллы, надменные улемы, крикливые мударисы, а также их поджарые, вечно голодные студен-ты-шогирды сплошь и рядом попадались на улицах. При встречах они вежливо раскланивались, в цветистых выражениях призывали друг на друга милость Аллаха, иногда вступали в благочестивые беседы. Прохожие ремесленники и торговцы почтительно приветствовали их и шли по своим многотрудным делам, умиленно размышляя о святости служителей Бога. Однако бывало и по-другому, особенно если встречались люди из разных сект, например, ханифит с шафиитом. Тогда святые мужи, потрясая рукавами длинных одеяний, призывали Аллаха излить на голову противника не милость, а нечто совсем другое.

А вот поэтов в Баласагуне не водилось — некому было вскармливать их поэтический дар. Разумеется, ходжа Махмуд не стал объяснять всего этого любопытствующему арабу.

Зато выскочил вперед Саид-сплетник.

— Постоите! — сказал он. — Сейчас я расскажу вам историю, из которой все станет ясно.

«Однажды пришел к повелителю нашему Тогрул-хакану поэт баласагунский Кучлук и прочел славословие в честь высокородного хакана. Тогрул-хакан выслушал и сказал своему дабиру (письмоводителю):

— За такие *стихи* этому человеку надо дать тысячу дирхемов.

Кучлук (а был он сыном бедного кочевника с реки Ашгаары) подпрыгнул от радости и прочел два бейта о щедрости правителя.

— Нет, пять тысяч,— сказал хакан. Кучлук чуть с ума не сошел и опять рассыпался в похвалах.

— Дадим ему пятнадцать тысяч, — сказал хакан. Бедный кочевник-поэт, не зная, как выразить свою радость, с криком: «О щедрейший! О величайший!» — выскочил за дверь

Дабир же сказал государю:

— Этот поэт нанес урон казне, о повелитель, больше, чем знаменитый разбойник Озар.

— Неужели ты собираешься ему платить? — спросил Тогрул-хакан.

— А разве есть путь к невыполнению твоего слова?
— О дурак, и сын дурака и внук дурака! — воскликнул хан.
— Разве ты не знаешь правила меновой торговли:

«За равное—равное?». Этот человек сказал нам приятные слова — и мы сказали ему приятные слова. Разве, утверждая, что я сильнее льва и что от моего голоса рассыпаются горы в прах, а лик мой краше луны, он дал мне на руку что-либо осязаемое? Разве мы не знаем, что он лгал? Но он порадовал нас словами, и мы порадовали его словами. Таким образом, ложь — за ложь, товар — за товар. А если бы ты выдал ему за слова дирхемы, то это был бы Явный убыток для нас, о чем я тебя и предупреждаю.

— Теперь вы понимаете, почему в Баласагуне так мало поэтов? — закончил свой рассказ Саид-сплетник. — Говорят, Табгач Богра-карахахан Кашгарский не таков. Вот по какой причине наш великий и несравненный мавлана Юсуф покинул родной город и отправился в Кашгар, ко двору правителя, столь ценящего истинных поэтов!

«По-моему, точно такой рассказ я читал у бессмертного аль-Джахиза, — подумал Махмуд. — Только речь там шла о совсем другом правителе. — Однако мой двоюродный дед вполне мог поступить так же».

Присутствующие посмеялись рассказу Сайда и стали расходиться. На прощание араб спросил у Махмуда:

— Насколько я понял, титул «Богра-хан» с вашего языка переводится как «Великий верблюд-хан»?

— Двугорбый верблюд-производитель, — уточнил Махмуд.

— Велик Аллах! Нет предела чудесам этого мира! — воскликнул араб. — Если бы у себя на родине я назвал так самого последнего из наших эмиров, мне немедленно отрубили бы голову!

Наконец все разошлись, задержался лишь Махмуд. Он увидел, как хозяин завернул миску с горячей лапшой, лепешкой и луковицей в чистую тряпку и передал старику-чтецу со словами: «Отнеси этой несчастной!».

Потом объяснил Махмуду:

— Половина караван-сарая — там, где складские помещения, — принадлежит купцу Бадану. Он придерживает много товаров в ожидании, когда цены на них поднимутся. И там же, в

комнатке с решетками держит рабыню-искусницу: она ткёт ему ковры — кылемы. А этот старичок когда-то был наставником в медресе, что у мечети Ибрагима ибн Насра. А потом годы согнули его спину и не стало у него мочи справляться с нерадивыми шогирдами. Теперь он служит сторожем на складах купца Бадана, а у него ведь три неженатых сына. За каждую невестку нужно уплатить калым. Вот я и даю ему возможность подработать.

— А почему купец Бадан держит свою рабыню-искусницу здесь, за решеткой, а не дома, как это в обычае у мусульман?

— Одна из причин та, что пленница очень строптива:

говорят, купец не одну плетку измочалил, приучая ее к покорности. А вторая причина — в жене купца. Она захватила верховную власть в доме и не терпит соперницы. Купец же очень жаден и совсем плохо кормит свою рабыню. Из жалости каждый вечер я передаю ей еду со старичком-сторожем.

— Аллах вознаградит тебя за доброе сердце, — сказал Махмуд.

— Он уже вознаграждает меня. Я сыт и дети мои почитают отца. Как сказал мавлана Юсуф:

*«Пока ты живой — все желанья с тобой,
Цела голова — сладишь с целью любой!».*

И еще сказал светоч разума мавлана Юсуф:

*«Еще бедняков встретишь ты меж людьми,
Одаривай их, напои, накорми.
Молитвой тебя они вознаградят,
А это — прекрасное дело, о брат!».*

Махмуд сказал:

— О, почтенный! Прекрасные стихи достигли самой глубины моего сердца и вызвали бессоницу. Не одолжишь ли на ночь эту замечательную книгу, дабы я мог насладиться божественной мыслью великого хасс-хаджиба в тишине и уединении? За хорошую плату, разумеется.

Хозяин осторожно вытер переплет рукавом и бережно подал книгу, словно драгоценность:

— Возьми, почтенный. А денег не надо: моя душа вознаграждена уже тем, что в твоём лице я встретил Понимающего и Чувствующего.

...Затих караван-сарай, затих многоязыкий город. Звездное покрывало ночи простерлось над Баласагуном, над ханским дворцом, над «минаретом минаретов», над усталыми слободками ремесленников.

А в своей комнатке Махмуд-странник при свете двух чирагов с волнением вчитывался в строки. Вот она, первая великая поэма на чистом тюрки, языке «хаканийа»! Ах, как он был прав, когда спорил с учеными сочинителями касыд в Багдаде и Нишапуре, в Мерве и Самарканде, в Кашгаре и Узгенде, доказывая, что язык тюрков не менее богат и выразителен, чем арабский и фарси, которыми они пользуются! Просто никто еще не взял на себя смелость попробовать писать на этом «языке невежественных кочевников», как презрительно называли тюркскую речь придворные поэты, многие из которых по своему происхождению были тюрками!

И вот такой человек нашелся. Хвала же тебе, Юсуф из Баласагуна! Будь славна и земля БалаСагуна, родившая поэта.

Махмуд откинулся на подушки и закрыл глаза. Он испытывал глубокое удовлетворение — впервые за последние годы. Мавлана Юсуф, сам того не ведая, оказал ему, Махмуду, великую поддержку и укрепил дух. Теперь он знает наверняка: не зря было испытано столько лишений, исхожено столько дорог. Не зря он вложил столько труда в свою книгу. «Словарь тюркских наречий» теперь особенно нужен — нужен, как никогда!

Махмуд уже провидел внутренним зрением грядущие поколения тюркских поэтов, которые перестанут, наконец, стыдиться родного языка и откроют миру все его богатства, все его красоты! И в утверждении тюркской речи как равной в семье других литературных языков будет и его заслуга, недостойного и скромного ученика «великих» — Махмуда из Кашгара.

...Со стен шахристана глухо донеслась барабанная дробь, возвещавшая полночь, а человек, освещенный красноватыми язычками чирагов, все склонялся, чуть сгорбившись, над книгой и беззвучно повторял бейты, в которых воплотился опыт поколений, мудрость предков, сам дух Идущего Времени...

Сон

Махмуд заснул лишь под утро. И приснился ему сон...

...Когда стал великим хасс-хаджибом мавлана Юсуф, слава его распространилась далеко вокруг. Услышав об этом, с гор Баласагуна, из долин Таласа и Чу, с побережья Иссык-Куля потянулись к нему многочисленные родственники и друзья. Так всегда бывает, если человек достигнет чего-нибудь значительного в жизни. И вот пришли они толпой в жилище поэта.

— О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты меня? — кричал мужчина в бараньей шапке.

— Слава Аллаху, узнаю: ты мой двоюродный дядя. Эй, ылымга (секретарь)! Прикажи выдать почтенному дяде тысячу дирхемов!

— О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты меня? — закричала какая-то женщина.

— Узнаю: ты моя ача (двоюродная тетка). Эй, ылымга! Выдай пятьсот дирхемов!

— О, хасс-хаджиб, узнаешь ли ты нас? — раздалось сразу несколько голосов.

— Да, узнаю. Вы — мои инилери (младшие родственники по мужской линии). Эй, ылымга! Выдай им по сто дирхемов.

Тут еще подбежал человек:

— Великий хасс-хаджисиб! Я — друг твоего детства. Мы вместе играли в альчики.

Хаджиб посмотрел в свой кошель, а там осталось всего два дирхема.

— Понимаю, — сказал он. — Мы — оба друзья детства, значит, расходы на двоих. Выдай нам, о ылымга, по дирхему на человека!

И тут раздался еще один голос:

— А меня ты узнаешь?

— Ты моя старшая жена Айша.

— Что же мы будем ужинать? — сказала Айша. — Пусть книга твоя — сокровище, но ее не положишь в казан.

Хасс-хаджиб протянул ей дирхем.

— Этот дирхем дала мне дружба. Пошли слугу на базар: пусть купит мяса.

— Плохие стали нынешние деньги и плохие цены, — отвечала Айша. — Моей бабке рассказывала ее бабка, что в их времена после большого базара не распроданный скот забивали и продавали мясо по серебряному дирхему заман. А теперь что я куплю на этот черный дирхем? За мясо старого козла надо платить целых шесть дирхемов и еще один данг.

— Не печалься, жена, — отвечал хасс-хаджиб. — Слава Аллаху, дети наши уже пристроены и заботы о них нет:

сыновья служат в войске, а дочери замужем. А ты, о жена, сходи в гости к подруге. Я же пообедаю у великого хакапа во дворце. Так и перебьемся до следующего жалованья...

А в это время родственники и друзья детства выходили из дворца, звеня монетами и почем зря ругая поэта за скупость. Мог бы де и больше отсчитать этих беленьких и кругленьких...

От этого звона Махмуд проснулся. Первое, что он увидел — своего слугу. Агуш сидел на цветной кошме, поджав под себя ноги, старательно раскладывал перед собой монеты, шевеля губами и морща лоб. Тут были и фельсы, и дирхемы «гитрифи», несколько серебряных дирхемов, отчеканенных по приказу хакана Ибрахима ибн Насра (нынче дирхем чеканят лишь из сплава меди и олова) и даже несколько золотых саманидских динаров. Видимо, слуга вытряхнул все содержимое своего драгоценного мешочка, о сохранности которого он всегда так беспокоился.

— Я вижу, ты, словно полководец, устроил смотр своим войскам спозаранку, — заметил Махмуд.

— Это не войска, — возразил Агуш. — Это карта. Ходжа Махмуд удивленно вскинул брови.

— Ты видишь перед собой карту всех тех земель, которые измерены копытами наших коней во время бесчисленных скитаний, — важно заявил Агуш.

В глазах Махмуда зажглись веселые огоньки, он присел на корточки.

— Пусть так, — сказал он. — А где же здесь горы, реки, города и селения?

— К чему мне горы и реки? От них только беспокойство путнику: то карабкаешься под небеса, то ищешь брод, Нет на моей карте и бесчисленного роя селений. Я составил ее, идя другим путем.

— Каким же? И что означают разбросанные в беспорядке монеты?

— Наоборот: здесь строгий порядок! Вот смотри: начали мы скитания за год до того, как Тогрул-бек Сельджук взял Багдад¹. Мы пошли в земли огузов, что кочуют по Сырдарье. Нас там угощали хорошо: огузы не любили сыновей Али-тегина Самаркандского², мы не любили их тоже, вот огузы и встретили нас с почетом. Я кладу здесь серебряный дирхем. Дальше мы попали в кочевья кыпчаков. Сначала гостили у Кылычбека — очень хорошо гостили! Я кладу здесь золотой динар. Потом кочевали вместе с Алтын-баем йемеком. Тут нам не повезло: напало зловерное племя кай и угнало стада Алтынбая. Нам пришлось подтянуть животы: плохое было угощение! Поэтому я кладу здесь медный фельс.

Махмуд начал постигать картографический принцип своего слуги.

— Потом мы поехали в земли тюргешей. — Агуш положил цепочкой три дирхема и золотой динар. — Очень хорошо кушали: свежая баранина, мясо молочных жеребят... А какой кумыс подавали!

Агуш облизнулся и закатил глаза.

— От них мы повернули морды наших коней на восход солнца к чигилям. Все они — приверженцы Якуббека, и потому угощали нас не очень хорошо. Я кладу черный дирхем. У марлуков с Черной речки гостили прекрасно, но мало. — И Агуш положил обрезок золотого динара.

— Но я вижу несколько простых камешков,— вставил Махмуд. — Что они означают?

— Это перевалы в горах, где нам приходилось голодать или питаться жалкими запасами из курджунов.

— А что ты скажешь о нашей теперешней стоянке? Ведь пища здесь неплохая и хозяин Хасан — человек щедрый. Пожалуй, здесь следует положить золотой динар.

— Ничего не скажу! — отрезал Агуш. — И динара не положу. Ты же запретил мне говорить всем о твоём происхожде-

---

¹ В 1055 г.

² Один из Представителей западной ветви Караханидов.

нии. Разве мы гости? Мы только постояльцы, и угощает нас здесь собственный кошелек. Вот и я его угощу!

Агуш сгрел все деньги в заветный мешочек и завел свою обычную песню:

— Э-эх! Разве дело для высокорожденного испещрять следами своего коня пустынные горы и безбрежные, как небо, степи? Ночевать у костра кочевника? Или кормиться в харчевнях, как последний айар?

— Но ты же знаешь, работа моей жизни того требует.

— Вай-уляй! Разве нельзя было вызывать к себе во дворец людей всяческих племен и, сидя на шелковых подушках, повелеть старательным писцам, чтоб они записывали их речи?

— Сказанное во дворце отличается от того, что говорится у степного костра под звездами.

— Кокуй! — воскликнул с горечью Агуш. — А ведь любой правитель с радостью отдал бы нам во владение большой-большой икта с городами и селениями!

И Агуш ясно представил себе: в огромной зале с колоннами, на золотом троне сидит, поджав ноги, его господин — падишах Махмуд. Он, Агуш, сын Бекмека — у подножия трона, дородный, важный везир-югруш. А перед ними — бесчисленные гости, послы и просители с богатыми подношениями. Писцы скрипят каламами, записывая прибыль, и пот усердия струится по их щекам...

Агуш с сожалением вздохнул, а ходжа Махмуд вспомнил, с чего начались их скитания. Наверное, с того момента, когда он, царевич Махмуд, отправился на чужбину пополнять свое образование. На путешествие в поисках знаний ушло несколько лет. Он побывал за это время в Бухаре Самарканде, Газне и Мерве, Нишапуре и Багдаде. В ученых спорах он свободно переходил с фарси на арабский, но когда начинал говорить на тюрки, замечал пренебрежение к себе и к своей речи. Было обидно. И появилась мысль исследовать все многообразие тюркских наречий, чтобы выделить главное, коренное и отбросить все наносное, разными путями проникшее в тюркскую речь. А чистую тюркскую речь уж давно не услышишь в городах. Согдаки и кенджеки давно испортили ее звучание, исказили смысл, дополнили своими словами. Чистая, как родниковая

вода, тюркская речь осталась лишь в кочевьях. Вот из чего родились бесконечные скитания по землям и племенам.

Немало способствовали этому и кровавые события, происшедшие в Кашгаре в 449 г. хиджры¹, как раз в то время, когда он возвращался домой.

Великий хакан Сулейман ибн Юсуф — глава восточной ветви Караханидов — был слабым и набожным человеком. Такому не править огромной империей, а проповедовать с минбара в мечети. Он не мог укротить железной рукой своеволие удельных правителей — великий каганат распадался на глазах.

Тогда младший брат хакана Мухаммад Богра-хан (родной дед ходжи Махмуда) сверг Сулеймана, заключил его в крепость и занял престол. В скором времени он назначил себе наследника — своего старшего сына Хусайна Джагры-тегина, правившего до того в Барсхане (на южном берегу озера Иссык-Куль). Хусайн был отцом Махмуда.

Но такое решение вызвало ярость у новой жены хакана, молодой и прекрасной, но злой и жестокой нравом. У нее был маленький сын Ибрагим — вот кого она прочила в наследники!

И хатун, которую люди прозвали «Владычицей бедствий», пошла на преступление. Она составила заговор. На одном из пиров она отравила своего мужа — хакана, наследника престола и еще многих членов царствующего дома. И в то время, когда в торжественном зале еще слышались предсмертные хрипы умирающих, сообщники хатун убивали в комнатах, на галереях и в дворцовых коридорах и переходах слуг, телохранителей, чиновников и военачальников — всех, кто сохранял верность погибшему хакану. Сулеймана же задушили в тюрьме. Престол занял юный Ибрагим, как того хотела «Владычица бедствий».

И узнал Махмуд-тегин, что нет больше у него деда — могучего правителя, нет отца, нет даже отчего дома и сама жизнь его в опасности. Эти события навсегда вызвали у юного Махмуда отвращение к власти и борьбе за власть. Трудный, порой очень суровый, но зато чистый от крови и чужих слез путь ученого избрал он себе. Так и скитается он двадцатый год по стране, хотя давным-давно никакая опасность не угрожает ему,

---

¹ 1057—1068 гг.

и он мог бы занять соответствующее своему происхождению место в иерархии династии. Но... Пусть занимают посты другие. Его же пост определен самой Вечностью.

Во чреве Баласагуна

Тэмир-проводник так и не явился. Поручив слуге разузнать о нем у банщика, ходжа Махмуд отправился на городской рынок приискать хорошего каллиграфа-писца.

Знаменитый на всю Чуйскую долину Баласагунский базар! Он занимал огромную площадь — в несколько этапов — и был окаймлен цепью постоянных дворов—муйвиликов и караванашкан: в них любой мог найти себе и ночлег, и пропитание. Кроме того, горячую и холодную пищу продавали прямо между базарных рядов крикливые разносчики своего товара: тут были и свежие лепешки, приготовленные в тандыре, и лепешки с маслом — какур-ган, и вареная требуха, и сладкие пирожки — бистандуд. Повсюду настигал прохожих запах жарящегося на открытых жаровнях мяса и печенки.

Желающему утолить жажду из вместительных кожаных бурдюков — чаначей предлагали кымыз, бекни (напиток из пшеницы), агарку (напиток из ячменя) и бозо (из проса).

Было здесь и особое место для крепких напитков. Из винного погреба, что у Невакетских ворот (его содержал хмурый, всегда трезвый старик-аргу), часто слышались веселые голоса: то беспечные гуляки-ринды, осушая чаши с белым ароматным вином райхани или с базилем — опьяняющим напитком (рецепт которого был завезен из арабских стран), распевали песни о тщетности всего земного, о жестокосердных красавицах со станом, подобным гатфар-скому кипарису¹.

Добродетельные люди, проходя мимо этого «грешного места», плевались и бормотали заклинания.

А чего только не было на Баласагунском базаре! Вот кузнечные ряды. На арбах лежат выплавленные куски железа,

---

¹ *Гатфар — один из кварталов средневекового Самарканда, славившегося своими кипарисами; образ-штамп в поэзии того времени.*

олова, меди, привезенные с гор Таласа и Чаткала. Кузнецы и медники продают готовый товар: железные лемехи — букурсы, мотыги, вилы, кетмени, медные кувшины — кумганы, плотницкие топорики — теша, подковы, походные котелки. Тут же стоят барсханские¹ купцы с колоколами и колокольчиками, казанами и походными чашами, блюдами и мисками, отлитыми из металла харсини.

За кузнечными рядами оружейники расхваливали изогнутые сабли, прямые мечи, наконечники стрел и копий, боевые топорики, огромные секиры — балду, шлемы-мис-юрки и шлемы-шишаки, железные щиты — тэмир калкан.

Дальше идут многочисленные гончарные ряды. Целые горы облицовочной терракоты, жженого кирпича, водопроводных труб из обожженной глины — кубуров. На солнцепеке громоздились пирамидами чаши, миски, горшки для варки пищи и огромные кувшины-хумы для хранения продуктов (в каждом из них может спрятаться человек), светильники — чираги всевозможных форм, изящные глазурованные флакончики для мазей и даже детские свистульки.

Согдийская глазурованная посуда еще в IX в. получила известность на всем мусульманском Востоке. Спустя век ремесленники Семиречья (среди которых было много осевших тюрок) упрочили славу предшественников. Посуда зачастую была украшена цветным орнаментом или изображениями живых существ (вопреки запрету ислама): лягушки, фазана, медведя, льва и даже человека. На многих выписаны богоугодные изречения.

Вот какой-то кочевник (судя по одежде — из племени канглы) остановился около гончаров и стал нерешительно рассматривать горшки. Хозяева тотчас наперебой принялись расхваливать свой товар, хватая покупателя то за рукав, то за полу длинного овчинного тулупа.

— Слушай, почтенный, какой чистый звук у моей посуды! — кричал один и щелкнул по выпуклому боку горшка. — А какая надпись на нем: «Пусть будет он наполненным. Аминь. Аминь!». С таким пожеланием твой горшок станет для тебя вечным источником добра и дела. твои упрочатся!

---

¹ Барсхан — город на южном берегу Иссык-Куля (около совр. Брско-он), родина отца Махмуда Кашгарского Джагры-тегина Ху-сайна.

— Не слушай его, о бек-джигит! — кричал сосед. — Мой горшок ничуть не хуже, зато надпись вчетверо длиннее за ту же цену! И какая надпись! Не его жалкое изречение, а стихи мудрейшего хасс-хаджиба Юсуфа. Вот послушай:

*«Будь добрым и печься о суетном брось:
Кто добр, для того и богатство нашлось.
Во гневе разумным и сдержанным будь,
Терпение — к завтрашней радости путь».*

— У меня еще лучшие стихи мавланы Юсуфа! — кричал третий гончар. — Они, как светильники, озарят для тебя путь праведный:

*«С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждого спешкой приходит беда.
Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть».*

Бедный канглы, сраженный изречениями, только успевал поворачивать голову.

Бродя меж базарных рядов, ходжа Махмуд убедился, что словно моровое поветрие овладело жителями Баласагуна: у всех на устах были строки из поэмы знаменитого земляка. Не только гончары снабжали свои изделия спасительными изречениями из «Кутадгу билиг». Оружейники, выковывая саблю, делали на лезвии или рукояти надпись:

*«Мне зла пожелавший погибнет от зла,
Хотящий попрасть меня — попраен до тла».*

Чеканщик на блюде выбивал:

*«Пораньше вставай и пораньше ложись,
Встающему рано—все блага дались!»*

Даже ювелиры ухитрялись своими тончайшими инструментами выводить на перстнях что-нибудь вроде:

*Или: «Входя, погляди, где обратная дверь,—
Где выхода нету, там много потерь».*

Или

*«Речь людям дарует и власть, и почет,
А лишнее слово и шею свернет!».*

И мало беды, что невежественные кочевники с гор не разумели грамоты: все равно товар с надписями шел на расхват — кочевники принимали афоризмы из поэмы за могущественное заклинание. А хорошее, умело составленное заклинание всегда пригодится.

В поисках каллиграфа ходжа Махмуд обошел весь огромный базар. Он побывал и в той части, где земледельцы продавали урожай со своих наделов: просо, ячмень, пшеницу, овес, чечевицу, горох. Высились горы арбузов — букан, огромные корзины с луком, чесноком, всевозможной веленью, орехами, яблоками; оставлялись лишь узенькие проходы для покупателей.

Прошел он и через скотный базар: здесь кочевники торговали овцами, быками, конями, мулами, верблюдами, а также продуктами скотоводства: выделанными кожами, овечьей, верблюжьей шерстью и даже шерстью яков, овчинными тулупами, войлоком, кожаными ремнями, уздечками, коврами собственной выделки. Здесь же у них можно было купить их охотничьи трофеи: шкуры барсов, тигров, джейранов, горных козлов, а также ловчих беркутов и соколов. Рядом собирали готовый остов юрты. Тюрки, даже став горожанами, летом ставили ее в своих маленьких двориках и до самых холодов жили под войлочным куполом.

Побывал он даже в рядах, где торговали приезжие купцы. Тут можно было увидеть узум — сушеный виноград из Ферганы, ткани из Самарканда и Бухары, шелк из Кашгара, хну из Ирана, купить ароматную косметическую мазь — галию в изящной стеклянной баночке (для жены или возлюбленной) и даже приобрести кашкул — миску из скорлупы кокосового ореха — такие носили у пояса дервиши и собирали туда подаяния. Кыргызы в белых колпаках встряхивали связками соболиных мехов, продавали душистый мускус и рог таинственного зверя хуту.

А какая пестрая толпа на Баласагунском базаре! Тут можно встретить представителей всех племен, населяющих державу Караханидов.

Вот прошли группой — судя по окантовке на халатах — иссык-кульские чигили. А вот — карлуки из-под Тараза; они — правоверные мусульмане, а поэтому на их высокие шапки — калансувы намотан кусок белой ткани — чалма. А вот тюр-

геши в длинных чекменях. У каждого за наборным поясом слева висит сабля, впереди — кинжал, справа — кошель с застежками, оселок, мешочек для кремня и огнива.

Ну а вот, без сомнения, горец — тухси. Ислам еще не захватил безраздельно высокогорные районы, и у тухсийца из-под калансувы по дедовскому обычаю свисают две чернью косы, смазанные бараньим жиром.

Но больше всего аргу — народа, произошедшего от смешения, как говорится, семи племен, главным образом согдийцев, тюркешей и карлуков. Они — основные жители городов и селений Чуйской долины. Говорят они на смешанном тюркско-согдийском наречии, на «испорченном» языке, как считал Махмуд.

Все аргу трудолюбивы, энергичны. Они хорошие земледельцы и превосходные ремесленники. И, как истые горожане, очень любят азарт и сутолоку крикливого базара. Здесь они, как рыба в горном ручье.

Делятся горожане на три сословия: богатых — байлар, людей среднего достатка — орта и бедняков — чыйгайлар. Богатые — это купцы, хозяева мастерских, крупные землевладельцы. Средние — ремесленники и крестьяне. Бедняки — это те, кому не повезло в жизни; их трудом кормятся все, кто стоит наверху. Основная масса их трудится на полях в качестве батраков (бала), подмастерьями в мастерских. Таскают тяжести городские носильщики-хам-малы и, несмотря на тяжелый труд от зари до зари, еле сводят концы с концами...

Да, огромен и многолик городской базар!

Но нигде в этом людском скопище Махмуд не встретил того, кто ему требовался. Наконец, когда он уже потерял всякую надежду, близ мечети Ибрагима ибн Насра он увидел маленький ряд, где продавали медные и терракотовые чернильницы, тростниковые перья — каламы, бумагу из Самарканда и тушь из страны Чин-Мачин (Китай).

Он купил эти милые его сердцу товары. Однако на вопрос о переписчиках все торговцы наперебой ответили:

— Нельзя найти такого! Все переписчики в городе получили множество заказов и руки их освободятся не скоро!

Как выяснилось, все городские грамотеи трудились над этерепиской поэмы Юсуфа Баласагунского.

Богатые купцы, состоятельные ремесленники, окрестные землевладельцы — все пожелали иметь список «Кутад-гу билиг». Иметь собственный экземпляр поэмы — значило прослыть человеком просвещенным, поднимало престиж.

Махмуд шел с базара и размышлял о могуществе истинной поэзии. Исполненный благоговения, он пожелал запечатлеть в памяти дом, где провел почти все жизнь мавлана Юсуф.

В тени густого карагача несколько мальчишек играли в альчики. Он выбрал одного побойчее и подозвал его:

— Хочешь заработать фельс? Покажи дом, где жил мавлана Юсуф.

— Великий хасс-хаджиб? — уточнил мальчишка и пропел: «И вышел из дома он в дальний поход, путям да стоянкам немалый был счет».

Махмуд улыбнулся и кивнул одобрительно головой.

— Да возрадуется твой отец! Но где же все-таки дом?

— Давайте фельс!

Получив фельс, мальчишка указал на строение, возле которого они стояли:

— Вот он. Только там теперь живет купец Бадан. Он не любит, когда к нему приходят незваные гости.

— Откуда ты знаешь?

— Я его сын.

«Где-то я уже слышал имя купца Бадана», — подумал Махмуд и вспомнил: складская половина караван-сарая, старенький чтец-сторож, искусная рабыня за решеткой...

Тем временем остальные мальчишки, завидев монетку в руке товарища, окружили незнакомца и хором начали кричать:

*«Богатств не копи, о вещах не радей,
О мудрый, дарами возрадуй людей!».*

Махмуд, улыбаясь и покачивая головой, вынул горсть медных фельсов и оделил мальчишек.

Однако те, заметив, что в кошельке прохожего еще что-то позвякивает, не отставали:

*«Кто щедр и о ком с похвалой говорят?
О том, кто для ближних всем жертвовать рад!».*

Ходжа Махмуд пошел прочь, но мальчишки бежали следом, крича:

*«Кто жаден, тот — раб этой страсти своей,
Дари, ясноликий, свое, не жалея!».*

Видя, что от маленьких нахалов так просто не избавиться, Махмуд остановился и внушительно произнес:

*«Распустит отец с малых лет своих чад —
Ты их не вини — сам отец виноват!»*

Мальчишки остановились.

*«А дети, когда у них черствы сердца,
Не вспомнят по смерти ни мать, ни отца!
Бывают ли дети такие верны?
О нет,— они плохи, дела их — дурны».*

Мальчишки глядели ему в рот.

*«Рожденный нагим умирает нагим,
Зачем же тянуться к соблазнам мирским?» —*

продолжал Махмуд, грозно нахмурив брови. Мальчишки начали пятиться. А он сделал шаг к ним и продолжал:

*«Не жадных не манят чужие достатки,
И честные на улаженье не падки».*

Мальчишки двинулись назад, оглядываясь на пришельца. Когда же он прочел:

*«И совестным, кротким быть надобно тоже,
Бесстыдных чуждайся, быть с ними негоже»,—*

маленькие вымогатели кинулись прочь со всех ног.

Какой-то ремесленник, проходивший мимо, догадался, в чем дело, и сказал, извиняясь за детей:

— Прости их, о путник! Эти пострелята выучили несколько стихов великого хасс-хаджиба (да будет на нем милость Аллаха!) и теперь околачиваются у его бывшего дома, чтобы кланчить монетки у любознательных и легковверных пришельцев...

Купец Бадан

Кобеду ходжа Махмуд вернулся в караван-сарай: законы приличия не позволяли постояльцам тратить свои деньги в чужих харчевнях.

Первым, кого встретил ходжа, был Тэмир-проводник. Лицо его светилось радостью.

— Мне кажется, у тебя хорошие вести,— сказал ходжа Махмуд.

Тэмир закивал головой, оглянулся по сторонам и стал нашептывать, примеряясь к шагам ходжи Махмуда:

— Господин! Я вчера нашел моего друга-брата Сатук.

— Почему ты говоришь с опаской?

— Потому что Сатук сбежал от хозяина-купца: он очень жесток со своими рабами. А купец тот владеет теперь половиной вот этого караван-сарая. Сатук прячется у банщика Удуна в подземелье, топит печь... Он нигде не может показаться: ведь купец сразу схватит его...

— Почему же он не уйдет в горы?

— В этом караван-сараяе, на половине купца, находится его возлюбленная Бурул. Злой хозяин запер ее в помещении, а Сатук хочет ее освободить. Сегодня же мы узнали, что купец Бадан продал ее арабу, живущему здесь, араб скоро уезжает и собирается увезти девушку.

— Значит, искусница-рабыня, сидящая за решеткой у купца Бадана, и есть ваша прекрасная Бурул...

— Да, господин.

— Тогда я выкуплю ее. Предложу вдвое большую цену, чем дал араб.

— Не делай этого, господин! — возразил Тэмир. — Ты уже и так много потратился на меня.

— Какие пустяки! А деньги — прах, их не стоит жалеть, когда дело идет о спасении человеческой жизни или свободы. Сейчас же найду купца...

— В этом нет нужды! — поспешно сказал Тэмир. Махмуд удивленно взглянул на своего бывшего проводника.

— Мы ее освободим другим путем,— объяснил Тэмир.

— Уж не хотите ли вы напасть на араба и захватить девушку? Этот путь ненадежен, путь этот — разбойничий.

— Прости, великий эмир! Я не могу сказать большее, но завтра ты все узнаешь.

— А почему именно завтра?

— Завтра истекает срок аренды у банщика Удуна,— загадочно отвечал Тэмир. — А послезавтра араб собирается увезти нашу Бурул.

Махмуд пристально посмотрел на проводника.

— А если ничего не выйдет, тогда мы обратимся к тебе за помощью,— добавил тот, глядя себе под ноги. Махмуд пожал плечами:

— Как знаешь... А теперь пойдем обедать. Они расположились на открытой галерее так, что перед их глазами был весь двор. Служители принесли им обед. Откуда-то появились Агуш и Саид-сплетник. Лицо Сайда расплывалось в самодовольной улыбке, он взвешивал на руке пухлый кошелек:

— Сегодня расплачиваться за угощение буду я, о почтенные! Знайте же, что Саид-рассказчик всегда отдает свои долги.

— Наш знакомец совершил выгодную сделку,— предположил Агуш, пододвигая к себе миску с мясом.

Сайд важно кивнул. Он не стал распространяться о том, что сделка эта на самом деле называлась удачной игрой в кости с простодушными селянами, приехавшими на Баласагунский базар, и по-хозяйски пододвинул себе другую миску.

Послышались громкие голоса. В ворота караван-сарая вошли араб, человек с крашеной бородой (в нем ходжа Махмуд тотчас признал того самого прохожего, который упрекнул его за поданный нищему фельс) и с ним несколько городских носильщиков-хаммалов.

Араб и краснобородый спорили, энергично жестикулируя.

— Если бы не прискорбная весть о войне между Меликшахом из дома Сельджука и Шамс-аль-Мульком Самаркандским¹, я бы ни за что не продал товары так дешево, за полцены! — говорил араб. — Но теперь я должен спешить. Ты крепко наживешься на этом деле, о купец Бадан!

Тэмир-проводник тронул за рукав Махмуда и прошептал, кивнув на краснобородого:

— Вот он, тот самый купец... А краснобородый отвечал арабу:

— Другие дадут еще меньше. А я ведь сверх условленного добавляю в придачу еще и мастерицу-искусницу, как ты хотел.

---

¹ *Война цачадась в 1074 г.*

Араб, вздыхая, отдал приказания носильщикам, и те стали перетаскивать его товары на другую половину караван-сарая, в склады купца. Краснобородый крикливо распоряжался, придирчиво осматривал и взвешивал тюки. Когда работа была закончена, он долго спорил с хамма-лами, пытаясь сэкономить несколько лишних фельсов.

Потом сказал арабу:

— Рабыню я передам тебе завтра утром. Сегодня же пусть еще потрудится на меня. Я сам останусь на ночь и прослежу за ее работой.

При этих словах Тэмир-проводник вздрогнул, а Сайд заметил с усмешкой:

— Вот каков нрав этого сквалыги... Краснобородый, словно услышав эти слова, оглянулся, увидел ходжу Махмуда и удивленно вскинул брови:

— Ойе! Это ты — человек, неразумно тратящий свое достоинство? И Сайд-прилипала здесь? Вот-вот: транжира и вымогатель — самая подходящая компания!

Свадебный Сайд был уязвлен до глубины души. Глаза его сделались колючими, и он ответила

— Эй, купец Бадан, а ведь ты великий должник передо мною! И не подобает тебе поносить своего благодетеля.

— Аллах свидетель! Я у тебя не брал займы. Да и водились ли у тебя когда-нибудь деньги?

— Разве ты не помнишь тот дождливый вечер, когда ты пришел с караваном усталый и голодный, а есть было вечере, и я сварил тебе три яйца?

— Это я помню! — высокомерно отвечал купец. — Я помню всех, кто мне должен, и кому я должен. Три яйца? Вот тебе фельс, о торгующий гостеприимством. И мы в расчете.

— Не совсем, — сказал Сайд.

— Разве три яйца дороже, чем фельс?

— Пусть так. Но ведь прошло уже два года. Из этих яиц вывелись бы петушок и две курочки; пусть даже два петушка и курочка. Курочка снесла бы за это время две сотни яиц. Из яиц вылупились бы — на худой конец — полторы сотни цыплят. Цыплята бы выросли. Каждый цыпленок стал бы взрослой курочкой или петушком. Эй, хозяин, сколько стоит вареная курица? — Полтора дирхема,

— Видишь? Ты съел у меня сто пятьдесят вареных кур за один Присест, и если считать по полтора дирхема за каждую, то это будет... это будет...

— Двести двадцать пять дирхемов,— подсказал Махмуд.

— Ты слышал? Вот сколько должен мне этот купец, о правоверные! Но я прощаю ему долг, у меня щедрая рука и доброе сердце!

Смеялись все: и караван-сарайщик, и обедающие, и особенно громко обиженные купцом при расчете хаммальг.

Купец не нашелся, что ответить, он только яростно вращал глазами, затем плюнул и пошел прочь, на свою половину.

Свадебный Сайд сказал презрительно вслед купцу:

— Этот скряга и лицемер хуже разбойника Озара, а сам делает вид, что у него большая дружба с Аллахом. Но разве я не знаю, что он каждое утро натирает свой лоб чесноком, дабы вызвать синяки на лбу — якобы от усердных поклонов в мечети!..

Тэмир-проводник казался сильно встревоженным. Он торопливо попрощался и покинул караван-сарай. А Сайд продолжал мстительно:

— Я теперь не вижу нужды скрывать и добавлю к моему рассказу в бане: этот Бадан — тот самый купец, чья жена была возлюбленной Халила-воина. Купец до сих пор не знает об этом — так ему и надо!

Ходжа Махмуд заметил:

— Итак, все герои получили имена. Безымянным остался только юноша-посыльный...

— Возможно, это был я,— ответил Саид-сплетник. — А впрочем, Аллах знает лучше.

Тайна колодца

Настал вечер, и со всех минаретов зазвучали серебристые и как бы прозрачные голоса муэдзинов. Но томительнее всех был голос азанчи по имени Кюль-Оге, доносящийся с вершины «минарета минаретов». Несколько лет назад на состязании муэдзинов всей Чуйской долины он оказался лучшим. Недаром восхищенный народ прозвал его «флейтой Аллаха».

И Агуш, окончив молитву, с гордостью сообщил своему господину:

— Говорят, он тоже из племени ограков, как и я... За ужином опять было чтение поэмы, а потом Махмуд провел наедине с книгой (если не считать храпящего слуги) несколько счастливых часов до' полуночного барабана. В конце концов, сон сморил его, хотя был тревожным: время от времени мешал какой-то скрипящий звук.

Перед рассветом Махмуд проснулся оттого, что явственно скрипнула дверь. Вошедший слуга, зябко поеживаясь, направился к своему ложу.

— О, творящий беспокойство,— проворчал Махмуд. — Ты всю ночь скрипишь дверью и рвешь нить моего сна.

— После жирной хозяйской пищи рука нужды много раз выводила меня за дверь,— отвечал Агуш. — Зато чудные дела видел я во дворе! Поистине, обитатели этого города обладают свойством повергать в недоумение и вызывать удивление!

— Что же ты видел?

— Заметило ли твое око колодец во дворе?

— Еще бы! Он стоит как раз посередине и огражден надстройкой величиной с минарет.

— Так вот, какие-то люди — не иначе, как служители караван-сарайщика — всю ночь таскали из хранилищ купца Бадана тюки с товарами и топили в этом колодце! Но это еще не самое удивительное... — Слуга наклонился к уху хозяин и таинственно зашептал:

— А потом через двор пробежала девушка, подобная райской гурии, затмевающая красотой луну, схватилась за веревку и тоже опустилась в колодец!

— Побойся Аллаха! — возразил Махмуд. — Как же ты мог увидеть красоту девушки, если была темная безлунная ночь! Или они зажгли факелы?

— Нет, факелов не было,— отвечал несколько растерявшийся слуга. — Но вся фигура этой девушки источала блеск и сияние, словно падающая звезда, такая не может быть уродкой.

Махмуд только махнул рукой и закрыл глаза, собираясь продолжить сон. Но Агуш не угомонился.

— Но и это еще не все! После девушки все носильщики тюков, один за другим, скользнули по веревке вниз и тоже скрылись в колодце!

— Вчера ты слишком много съел,— заметил хозяин,— вот тебе и померещилось все это!

— Какую тайну откроет нам утро! — мечтательно продолжал Агуш, укладываясь. — А дело, увиденное мной, таково, что без тайны здесь не обойтись. И долго ли будут сидеть в колодце носильщики и та девушка? Глубок ли колодец? Я думаю, они завалили его до половины и теперь сидят на тюках. Для чего? Где концы этого удивительного происшествия?

Слуга оказался прав: утро началось не совсем обычно. Едва лишь забрезжил рассвет и с многочисленных минаретов потянулись нити-голоса муэдзинов, призывавшие на молитву, как тут же их заглушил пронзительный истошный вопль где-то рядом, за стеной. Махмуд вздрогнул и открыл глаза. Слуга уже сидел на постели, вытянув шею.

— Начинается! — сказал он и, снедаемый любопытством, выскочил за дверь.

А вопли за стеной сменились громкими стенаниями. К ним присоединился шум многих голосов. «Видно, случилось что-то нехорошее», — подумал Махмуд, нашел свои чевяки со стоптанными задниками и вышел на свежий воздух.

Уже совсем рассвело. Чуть ли не все население каравансарая толпилось во дворе. У складских помещений метался купец Бадан с растрепанной бородой, без чалмы и громко причитал, всплескивая руками. Через настежь открытые двери было видно, что склады, еще вчера ломившиеся от товаров, пусты. Ни единого тюка! Ни даже оброненной тряпочки!

— О горе мне, о разорение! — стонал купец. — Где мои хорасанские шелка? Где кумисские¹ ткани? Где йеменские сандал и алоэ? Где позолоченные и посеребренные нишапурские сосуды? Все украл бессовестный вор!

Под стенкой всхлипывал дряхлый сторож-чтец, избитый под горячую руку купцом. Тут же стоял караван-сарайщик Хасан, мрачно слушал причитания пострадавшего. Из-за плеча Хасана выглядывали заспанные его сыновья.

---

¹ *Кумис — город в Иране, славившийся производством тканей.*

Купец вдруг кинулся к Хасану и вцепился ему в бороду с криком:

— Вот кто возместит мне все мои убытки! Воистину, вор — это ты! О, мусульмане! Нет другого вора, кроме этого нечестивого караван-сарайщика, и ответ на нем!

Два хозяйских сына схватили обезумевшего купца за руки, пытаясь спасти отцовскую бороду. Сам караван-сарайщик, повернув расстроенное лицо к толпе, проговорил дрогнувшим голосом:

— Не повинен я в таком злодействе, о мусульмане! За всю свою жизнь я не украл и медного фельса. Это безбож-кое дело совершилось в моем караван-сараяе — признаю. Но как? Не знаю, не ведаю! Ведь все вы видите, что ворота все ночь были на запоре, заперты они и сейчас! А через высокие стены воры не могли унести такое множество тюков!

В толпе послышались голоса в поддержку хозяина:

— Справедливо!

— Ворота действительно всю ночь были на запоре: я спал рядом в каморке и услышал бы, если бы их открывали!

— И чтобы вынести столько тюков, понадобился бы целый караван носильщиков, а такое без шума сделать нельзя!

Но были разговоры и против:

— Раз товары не вынесли, значит, они здесь, в пределах этих стен. Может быть, караван-сарайщик спрятал товары в каком-нибудь тайнике, одному ему известном!

Вскоре прискакали городские стражники во главе с самим начальником городской стражи — толстым, надменным беком, сидевшим на караковом жеребце. У его стремени встал палач с засученными рукавами.

Выслушав обе стороны, а также многочисленных свидетелей, бек постановил:

— Раз ворота всю ночь были на запоре, через них товары просочиться не могли. Это дело рук хозяина караван-сарая или совершено при его участии. Сознавайся» куда ты дел товары почтенного купца?

— Не брал я его товары! — отвечал Хасан. — Может, это сделали твои сыновья? — Сохрани Аллах и помилуй! Мои сыновья воспитаны в страхе перед грехом и в почтении к чужому имуществу.

— Или кто-нибудь из твоих родственников или слуг?

— Нет у меня здесь родственников, а слуги — вот они: это бедные, но честные люди.

— Мое добро пропало в его доме, — кричал купец. — Вина на нем!

— Горе тебе, о караван-сарайщик! — грозно сказал бек, нахмутив густые черные брови. — Эй! Возьмите этого человека и секите до тех пор, пока его лживый язык не вступит на дорогу признания!

Несчастливого Хасана схватили и тут же растянули на плотно утрамбованной земле. Один воин сел ему на плечи, двое — на ноги, а палач начал охаживать плетью. Бедняга стонал и охал. Сыновей, рванувшихся на помощь отцу, держали стражники.

Махмуд, издали наблюдавший над свершением правосудия, забрал бороду в горсть, что означало великие сомнения и колебания, терзавшие его душу.

Агуш осторожно дернул его за полу халата:

— О господин мой, что же мы будем делать?

— Значит, все, что ты видел ночью, правда! — тихо сказал Махмуд. — А я-то думал, что это твоя очередная выдумка.

— Почему терпит такие мучения этот несчастный? Не лучше ли признаться в содеянном?

— Однако, как я ошибся в этом караван-сарайщике! — бормотал Махмуд. — Я думал, он добродетельный человек? Хоть мне и не жаль ничуть скрягу-купца и поделом, что грабители унесли его товары, мне все же не хочется верить, что причиной этому — наш радушный хозяин. Может ли человек, любящий стихи, стать вором?

— Может, поведать беку-начальнику всю правду, и мучения Хасана прекратятся?

— Не делай этого. Если караван-сарайщик молчит под плетями, значит, так ему нужно. А потом, разве ты не знаешь, что ожидает уличенного в краже?

— Ему выжигают на лбу клеймо и отрубает правую руку, — сказал Агуш.

— А потом забирают все его имущество в казну, а самого, искалеченного, опозоренного и нищего, изгоняют из города.

— Велик Аллах! Что же заставило такого почтенного человека решиться на столь опасное дело?

Между тем в раскрытые настежь ворота караван-сарая набилось с улицы множество людей: весть об ограблении уже распространилась не только по слободе Урюкты, но и по всему Баласагуну. Люди — кто угрюмо, кто со злорадством — смотрели на расправу.

Когда насчитали двадцать ударов, бек подал знак, и палач опустил плеть, отдуваясь.

— Признавайся! — грозно требовал начальник. — Вспомни Аллаха и загробный мир! Вспомни Мункара и Накира!

— Не виноват я, не виноват! — кричал несчастный. — Во имя Аллаха, помилуйте невинного! Господин начальник, в Коране сказано: «И не убивайте чад своих». А все мы — чада нашего повелителя Тогрул-карахакана. О, правоверные! Смотрите, как попирают справедливость! Меч заблуждения опускается на шею неведающих! Горе нам, сыны мои!

— Может, и не виноват этот караван-сарайщик, — говорили в толпе.

— Виноват всегда тот, кто с краю, — поддакивали другие.

— Я его знаю вот уже десять базарных сезонов как «честного человека.

— Это верно! Никогда караван-сарайщик Хасан не пятнал себя воровством и делами, подобными воровству!

— Однако товары-то у купца пропали, а ворота были заперты, — возражали скептики. — Где же искать вора? Тем временем бек, раздраженный столь наглым запирательством, велел и сыновей караван-сарайщика растянуть ка земле. Кожаные плети-камчи сразу вспороли кожу, спины юношей окрасились кровью.

Но они молчали, зато отец, увидев муки сыновей, принялся кричать так горестно и пронзительно, что у многих дрогнули сердца.

— Яй-яй! — говорили в толпе. — Если бы этот караван-сарайщик был действительно виновен, разве он не признался бы ради своих детей?

Тут же стояли отдельной группой банщик Удун и его сподручные. Переговаривались:

— И достается же бедному Хасану!

— Этот Шайтанбек беспощаден, я его знаю: он спустит с Хасана и его сыновей всю шкуру.

— Это верно! Не сдобровать тому, кто попадет в его руки. Спаси нас Аллах от его неистовства!

— Ничего! — сказал банщик Удун. — Вот откроются городские ворота, и мы спокойно уедем. Больше нам здесь делать нечего.

Один из сподручных, рослый красивый юноша, сказал:

— Братья, мы должны помочь этим людям.

— Как ты им поможешь? Лечь под плети вместо них?

— Караван-сарайщик Хасан сделал много добра, он кормил и не обижал мою Бурул и я не могу смотреть на его страдания, — отвечал юноша.

— Эй, Сатук! — грозно сказал банщик. — Выбрось глупые мысли из головы! Не то... — и он взялся за нож. Лицо юноши вспыхнуло от гнева.

— Уходите! — сказал он. — Быстро уходите! Спасайтесь!

И не успели его приятели что-либо предпринять, как он стал решительно проталкиваться сквозь толпу, громко крича:

— Остановитесь! Остановитесь! Эти люди не виноваты! Банщик, увидев, что юношу не достать, торопливо сказал своим:

— Уходим! Скорей, скорей! Пусть Шайтанбек сожрет этого дурака!

И они исчезли за воротами караван-сарая.

— Пропустите меня! Я скажу! — продолжал кричать юноша.

Все, сколько ни было людей, повернули в его сторону головы. Юноша протолкался сквозь толпу и стал перед беком.

— Эти люди действительно не виноваты. Караван-сарай ограбил я!

Словно ветерок пронесся на изумленной толпой.

— Кто ты, о человек, говорящий так смело? — спросил бек, глядя с высоты своего коня.

— Я Сатук из рода чарык племени кыргыз.

— Раз ты кыргыз, значит, кочевник, — сказал бек. — А я никогда не слышал, чтобы горцы-кочевники были участниками подобных дел. Как ты оказался в городе и почему занялся столь богопротивным ремеслом?

Тут вмешался купец Бадан:

— Великий бек! Это мой беглый раб! Я приобрел его за большую цену у кыргызского тархана Сауд-барса вместе с юной и прекрасной рабыней. Но в Баласагуне он сбежал от меня. — Покажите мне рабыню! — сразу заинтересовался

бек

— Он украл и девушку, этот святотатец, прелюбодей и осквернитель брачных лож! И покарать его надо не иначе, как посадить на кол!

— Куда ты спрятал девушку? — строго спросил бек. Сатук гордо ответил:

— Девушка уже далеко, и вам легче схватить шайтана за хвост, чем ее.

От такой дерзости все на минуту окаменели. А Сатук продолжал:

— Но остальные товары, украденные мной, я могу вернуть. Обвяжите меня веревкой и спустите в этот колодец! А затем я предам себя в ваши руки.

В толпе раздалась «ахи» и «охи».

— Вот куда он запрятал товары!

— Кто бы мог догадаться!

— Колодцем-то никто не пользуется давным-давно... Агуш дернул Махмуда за полу халата и торжественно прошептал:

— А что я говорю! Но ведь и девушка должна быть в колодце, я видел собственными глазами...

Притащили длинную веревку и обвязали преступника. Сатук перелез через сруб. Двое стражников начали понемногу травить конец. Вытащили уже порядочную длину, когда веревка ослабла. Стали ждать В толпе переговаривались :

— Колодец-то глубокий.

— Теперь, видно, он обвязывает тюки, и сейчас начнут поднимать.

Но все было тихо. Стражники стали окликать Сатука и заглядывать в колодец. Однако разглядеть там было ничего нельзя.

— Эй, торопите его! — сказал бек нетерпеливо.

— Он не отвечает!

— Тогда вытащите его обратно! Стражники без всяких усилий вытянули пустую веревку.

У бека от гнева начала подергиваться щека. На глаза ему попался Халил-воин.

— Эй, спустись в колодец и посмотри, что там!

Халила-воина обвязали веревкой и он, с кинжалом в зубах, исчез в таинственной и черной пасти. Через минуту из глубины донесся его удивленный возглас:

— Здесь подземный ход!

Толпа онемела. Даже грозный бек раскрыл рот и выпучил глаза. Правда, он сумел опомниться первым.

— Спустите ему факел, и пусть он пройдет по этому ходу до конца! — приказал бек.

Стали ждать результатов. Из колодца — опять ни звука. Халил-воин со своим факелом, казалось, исчез навсегда. Толпа застыла в напряженном молчании. Агуш рядом с Махмудом даже постанывал от нетерпения.

Появился Халил-воин совсем с другой стороны, с громкими возгласами вошел в раскрытые настежь ворота караван-сарая и стал проталкиваться вперед.

— Солнцеподобный бек! — доложил воин. — Ход вывел меня в подземелье бани, где истопники жгут дрова для нагревания воды.

— А где же банщик Удун?

— Его нет, о правоверные!

— А служители банщика?

— Они все, как видно, убежали вместе с этим юношей-грабителем, о меч веры! Топки погашены и черна зола в очагах.

В толпе опять послышались изумленные возгласы:

— Вот кто были сообщники юноши-грабителя!

— А ведь банщик казался таким благочестивым человеком!..

Бек подумал мгновенье, потом сказал:

— Ничего не поделаешь, о купец Бадан! Имущество твое скрылось вместе с этими ворами и нет ему обратной дороги к тебе, пока мы не поймаем дерзких.

Он дал знак, чтобы развязали Хасана и его сыновей. По приказу бека по всем дорогам, ведущим через предместья Баласагуна к его воротам, помчались конные- стражники для розыска беглецов.

И бек уехал.

— О горе, о разоренье! — кричал купец. Он поднял с земли горсть пыли, посыпал голову и пошел прочь, царапая ногтями щеки и оглашая двор стенаниями, пока они не заглохли за стенами караван-сарая.

Избитый, но зато освобожденный караван-сарайщик Хасан произнес ему вслед:

*«Послушай, что мудрость сказала про скряг:
Мошенник, себя обокравший,— бедняк!
И что есть гнусней, чем корыстный расчет?
Скопил — не потратил, и все пропадет!
О скряга, впихнувший весь мир в тайники,
Готовь угощенье — ждут едоки!».*

Толпа шумно выражала одобрение — та часть, на которой были лохмотья:

— У этого скряги еще столько добра, что хватит на целое полчище воров и грабителей.

— Но каков джигит этот юноша! И сам ушел невредимым, и спас невинных от казни!

Другая часть толпы — та, что была в шелковых халатах — молча и угрюмо направилась к выходу вслед за купцом.

Когда почти все уже разошлись, прибежал запыхавшийся Сайд в съехавшей набок шапке и стал хватать за руки служителей, умоляя рассказать подробности. Потом сел в сторонке и заплакал.

Агуш осведомился о причине его слез.

— Разве ты поймешь! — всхлипывал Сайд. — Горе мое велико: не я первый увидел это небывалое происшествие! Я даже совсем не видел его! И что я расскажу людям? Нет, кончился Саид-рассказчик! Теперь люди будут ему говорить, а он — слушать! О горе, горе! — и Сайд опять залился слезами.

Агуш не успел как следует утешить своего знакомца, как увидел во дворе караван-сарая невесть откуда взявшегося Тэмира-проводника, взъерошенного, но радостно улыбающегося. Он махнул Агушу приветственно рукой и направился к галерее, где сидел Махмуд, собравшийся завтракать. Агуш тоже поспешил туда.

— Так вот каковы были замыслы! — сказал Махмуд, улыбаясь и хмурясь одновременно. Тэмир поклонился и сел рядом.

— Из всех знатных беков, каких я встречал, ты один обладаешь сочувствием к обездоленным, о эмир! — сказал бывший проводник. — И потому я все тебе расскажу. Этот банщик — вовсе не банщик; это великий разбойник Озар. Когда мой друг-брат сбежал от купца, его приютил Озар. Три месяца Озар и его люди копали подземный ход в караван-сарай, чтобы украсть товары жестокосердного купца Бадана. И Сатук, копал: он хотел вызволить свою любимую. И вот дело свершилось, и я — участник его. Я ждал друга-брата с девушкой и двумя конями в доме седельника Берды, ведь седельник тоже кыргыз и сочувствовал нашему горю. Теперь Сатук и Бурул далеко за старыми суябскими воротами. А там необозримое царство камышей в пойме реки Чу. Разве отыщешь две иголки в таком стог?

— А погоня? — напомнил Махмуд.

— Да, погоня... И я очень боюсь, что их настигнут. Ведь разбойник Озар со своими людьми и всеми товарами уехали совсем в другую сторону — к Зенбийскому перевалу — и не окажут им помощи.

— Постойте,— вмешался Агуш. — Я сейчас вызову дождь, и стражники вернутся или заедут в какую-нибудь харчевню переждать непогоду. А твои друзья тем временем оторвутся от преследователей.

— Как же ты сделаешь это? — удивился Тэмир.

— При помощи яда-камня, которым снабдили меня дэвы со Священной горы в славном городе Ош. Это не простой камушек. Он так и называется «камень дождя». Как-то мы с господином проезжали Священную гору, а было это под пятицу ночью. Вдруг слышим — крики, ссоры. Оказалось — дэвы собрались на свой базар: и продают, и покупают. А товаром у них служили волшебные камни: одни вызывают дождь, другие — град, а третьи — засуху. Когда рассвело и дэвы разлетелись, я нашел вот этот камушек. Его потерял хромой дэв, мой старый знакомый: у него гурджун дырявый со времен царя Сулеймана Дэв — большой лодырь и все никак не соберется поставить на свой курджун заплатку.

Махмуд весело рассмеялся, слушая разглагольствования слуги.

Тэмир широко раскрыл глаза и рот, потом спросил:

— А вдруг этот камень вызовет засуху?

— Сейчас посмотрим! — отвечал Агуш. И он, с видом, который говорил: «То ли мы еще можем», — присел на корточки около хауза, омокнул темный камень в воду и стал брызгать вокруг и в небо, приговаривая:

— Брысты-турысты! Мобады-рубанды! Солнце — за гору, туча — в долину! Эй, дэвы! Исполняйте то, что положено!

В солнечной небесной лазури паслись лишь Маленькие облачка-барашки, и ничто не предвещало дождя.

Тэмир-проводник следил за манипуляциями Агуша с недоверчивой улыбкой:

— Откуда взяться дождю?

Но Агуш указал на дальнюю гору, из-за которой чуть-чуть высунулся кончик темной тучи:

— Дэвы знают свое дело! Ходжа Махмуд сказал Тэмиру:

— Агуш хитер. Он сначала увидел дождевую тучу, а потом стал вызывать дождь: теперь-то он наверняка пойдет.

И действительно, через полчаса туча-великан, тяжелая, пузатая, обложила полнеба и низвергла на долину потоки воды. Казалось, кипела земля, вдоль улиц неслись желтые ручьи, смывая осенние листья, щепки, верблюжий навоз и прочий мусор.

...А когда кончился дождь, Агуш, в одиночестве заканчивавший завтрак, увидел еще одного знакомого: Билял-тюэт, промокший, бледный, похудевший, шагнул по двору через лужи, с блуждающим вокруг растерянным взглядом.

— Эй, Сладкопечец! — окликнул его Агуш. Билял обрадовался чрезвычайно и устремился к Агушу на галерею, словно в землю обетованную. Он долго обнимал и хлопал Агуша по спине, так же долго отжимал свой драный халат и остатки чалмы, потом сказал, вздыхая:

— Не зови меня больше Сладкопечцем. Отныне моим легобом станет Муфлиси, что означает «Бедный» и что более соответствует моему теперешнему положению.

Агуш заказал ему похлебку из мяса и чечевицы — по-арабски «тафлила», но Билял-поэт набросился на нее, не

спрашивая названия. Он ел долго и самозабвенно. Агуш терпеливо ждал. Потом спросил:

— Виделся ли ты с братом? Билял-Муфлиси уныло покачал головой:

— Виделся, но лучше бы не видеться. Пока я ходил в Багдад набираться мудрости, дома произошли большие перемены. Отец и мать умерли, и все имущество досталось брату. Брат оклеветал меня перед отцом и уговорил завещать ему все добро.

— Но неужели родной брат ничего тебе не дал и оставил прозябать в нищете? Что скажут тени отца и матери?

— А что могут сказать тени? Отца он убедил еще тогда, когда он не был еще тенью. А матери у нас разные. Его мать была из Мерва. А ведь всем известно, что самые жадные из всех мусульман — хорасанцы, а мервцы — наихуднейшие из хорасанцев. К тому же, оказывается,

• брат еще и женился на дочери мервского купца...

— Ой-бой,— сказал Агуш,— такой брак может быть только делом преисподней.

— И теперь он пускает деньги в рост и никогда не подает нищему самого истертого медного фельса. Соседи дали ему прозвище — Бадан-кудук, что означает не только «Колодец», но и «Прорва».

— Кокуй! — воскликнул Агуш. — Так твой брат — купец Бадан?

— Да,— ответил Билял. — Он теперь стал и купцом, и ростовщиком, разбогател на торговле с кочевниками.

— Горе тебе, имеющему такого брата и такую невестку,— сочувственно сказал Агуш.

— Он выгнал меня из дому и велел больше не показываться на порог. А поводом стало то, что я, забывшись, назвал его «квачк». Он этого слова тепею и слышать не может.

Агуш размышлял некоторое время, потом сказал:

— Слушай же, Билял-страдалец! Хорошо ли ты владеешь каламом?

Билял сверкнул было глазами — как прежде! — но тут же сник:

— Я думал, что хорошо, а невежественные люди считают, что плохо. На мои стихи нет покупателя.

— Мои слова не о твоих стихах,— досадливо перебил Агуш.

— Я говорю о твоем почерке. Билял гордо выпрямился:

— Я целых три месяца служил писарем — битигчи у владетеля селения Таракташ эмира Юлдаша! Я владею семью ви-

дами почерка и читаю суры Корана семью видами чтения! Я владею арабским письмом, двумя видами уйгурского и даже могу воспроизвести письменные знаки людей «тарса».¹ Я...

Агуш поднял руку:

— Возрадуйся же! Ведомо ли тебе, что мой господин ищет хорошего и усердного каллиграфиста для переписки его великого сочинения «Диван лугат ат-тюрк»? И положит за это хорошую плату?

— Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха! — радостно вскричал Билял. — Я буду переписывать его величайшее и мудрейшее сочинение днем и ночью обеими руками!

Закончился переполох, отшумели страсти, и жизнь в караван-сараях потекла по привычному руслу.

Когда голос Кюль-Оге — «флейты Аллаха» с вершины «минарета минаретов» призвал к третьему намазу во второй половине дня, Махмуд уже диктовал Билялу-переписчику:

«Хотя я происхожу из тюрок, которые говорят на самом чистом языке..., которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место... я пядь за пядью исходил все эли, селения, степи тюрок. Я полностью запечатлел в уме своем живую рифмованную речь тюрок, туркмен, огузов, чигилей, ятма, кыргызов... И вот эту книгу после столь долгого изучения и поисков я написал самым изящным образом, самым ясным языком...».

И мы сие повествование — о благословенный читатель! — написали со слов наших великих предков: Юсуфа хасс-хаджиба ал-Барсхани (он же Баласагуни), Махмуда Кашгари, Усамы ибн Муккыза, ал-Джахиза и других мудрецов. Да не оставит их Аллах в мире ином, где все мы будем!

Грозная десница веков разрушила город Баласагун. Всепожирающий огонь времени испепелил и богатые кварталы, и лачуги бедняков, и даже дворец великих карахаканов. Величественные развалины города находятся сейчас *и* 14 километрах к югу от Токмака. Зримыми для потомства остались только «минарет минаретов», известный ныне как башня Бурана,

---

¹ Тарса — христиане-несториане, эмигранты из Сирии, обосновавшиеся в Чуйской долине еще в VIII в.

да две книги, сделавшие имена их авторов бессмертными: первый в мире «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари и первая поэма, написанная на тюрки, — «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни...

Велик мир тюрков. Он простерся от светлого Байкала до лазурного Босфора. И ни один народ тюркского корня не должен забывать о благодатной Чуйской долине, прижавшейся к могучему Кыргызскому хребту: здесь в VIII в. были отлиты первые тюркские деньги, в IX в. — отстроены первые тюркские города, а в XI в. — написана первая тюркская поэма.

Следует оговориться: в последние годы благодаря кропотливому труду археологов явились миру остатки мавзолеев и домов, улиц и переулков древнего города, в течение многих веков скрытых под толщей земли. Раскопаны мавзолей караханидской знати, роскошная баня, пол и стены которой обогревались по специально проложенным каналам, найдена яма глубокого-глубокого колодца... И это — только начало. Предстоит еще большая и долгая работа. И, может быть, мы еще увидим караханидскую столицу, восставшую из праха, пройдемся по ее улицам и услышим еще не одну забавную или печальную историю о жителях Баласагуна, которых нет, но которые были...